

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

ВИКТОР ФЛАММЕР

ФЛАГИ НАД ЗАМКАМИ

На перекрестке времен нет ни прошлого, ни настоящего

Виктор Фламмер

Флаги над замками

«Снежный Ком»

2019

Фламмер В.

Флаги над замками / В. Фламмер — «Снежный Ком», 2019

Вряд ли Александр Одоевский по прозвищу Сандер, сын богатых родителей, мог предположить, чем обернётся студенческая дружба с японцем Токугавой Ёситадой. А обернулась она не просто поездкой в Японию, но и чередой зловещих тайн, среди которых дух-оборотень мононоке, охотящийся на людей – не самая страшная. Древние родовые распри и проклятия, неожиданно материализовавшиеся в современной благополучной стране, порождают клубок странных событий и загадок, а героям приходится совершать необычные поступки и делать трудный выбор. «Флаги над замками» – фееричный сплав научной фантастики, мистики и истории средневековой Японии. Читайте и удивляйтесь вместе с героями книги!

Содержание

Глава 1. Возвращение	5
Глава 2. Что нового?	14
Глава 3. О науке и странных идеях	25
Глава 4. Все любят аниме	38
Глава 5. Все только начинается	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор Фламмер

Флаги над замками

Глава 1. Возвращение

Холодно. Какое это непривычное ощущение – чувствовать собственный холод. Словно он по-прежнему мальчишка-сотник, от которого шарахаются в страхе собственные солдаты. Тогда ночью он так же поднял руку и смотрел, как тает покрывающий ее иней, стекая каплями по запястью.

Он снова чувствует эти капли: они медленно ползут по коже, оставляя мокрые дорожки. Он видит эти дорожки и отблеск огня светильников на влажной ладони. Он ощущает запах благовоний и слышит тихое бормотание где-то там, внизу.

Настоятель. Вот он, прямо перед постаментом, уверенно и спокойно произносит священные слова сутры, соединив руки перед грудью. Его тело мелко дрожит от холода или страха, или всего вместе, тело – но не голос.

Голос настоятеля он знает хорошо. Хотя впервые слышит его ушами. Не многие могут говорить с ками¹. Этот человек может. Даже среди монахов такое редкость. Это значит, что в крови настоятеля тоже течет сила.

А может, и ничего не значит. Он, Като Киёмаса, не слишком хорошо разбирается в монастырских порядках.

Като Киёмаса. Он едва сдержался, чтобы не рассмеяться, вспомнив, как звучит его имя. Звучит на человеческом языке. Языке живых людей. Человеческое имя.

Есть ли имя у настоятеля? Надо будет спросить.

Потеплело. Монахи у потрескивающей светящейся сферы в углу повернулись и посмотрели на него с нескрываемым ужасом. Плохо. Надо взять себя в руки. Тем более они у него теперь есть.

Он поднял руки и помахал ими в воздухе. Настоятель перестал бормотать, открыл глаза, и в них плескался такой неземной восторг, что Киёмаса не выдержал и рассмеялся. И шагнул вниз с постамента. Можно подумать, этот человек увидел своего ожившего бога. Можно подумать.

– Мой великий господин Дзёотиин²...

Босые ступни коснулись пола, и Киёмаса развернулся настолько резко, что монах отшатнулся.

– Като! Господин Като! Привыкай, монах! – рывкнул он и от души хлопнул настоятеля по плечу.

И наклонился, внимательно его рассматривая:

– А впрочем... «Великий господин» можешь оставить. Мне нравится.

В святилище царил полумрак, а воняло так, что хотелось проломить стены и впустить сюда хоть немного воздуха. Зачем эта дурацкая атрибутика? Он и без всяких древних ритуалов прекрасно откликался, когда его призывали. Впрочем... может, это нужно монахам, чтобы настроиться? Нанюхаться дыма и... Киёмаса снова огляделся по сторонам. Очень непривычно – не ощущать больше этих стен и дверей, ламп и статуй. И не чувствовать, как судорожно

¹ Камы – в синтоизме духовная сущность, божество. Выдающиеся люди могут своими поступками заслужить божественный статус. Токугава Иэясу, Като Киёмаса и многие другие выдающиеся деятели почитаются в Японии как камы.

² Дзёотиин – посмертное имя Като Киёмасы.

быются сердца собравшихся здесь людей. Их много вокруг, еще бесконечные мгновения назад он видел их души и слышал их мысли. Души, переполненные чистым восторгом предвкушения, и мысли, мечущиеся под коробками их черепов, – страх, неуверенность, беспокойство.

Ну еще бы. А сам бы он как себя вел, если бы ожидал прихода Великого Нитирэна³ в святилище, которое для него же и построил? Так что глупо, нехорошо смеяться над слабостями других, если сам не смог стать совершенством.

Или смог? Людям виднее.

И только одна душа, что светилась ярче всех, интересовала его сейчас. Мысли этого человека были спокойны и безмятежны.

Находился он, хоть и поблизости, но на достаточно безопасном расстоянии.

Не обращая больше ни на кого внимания, Киёмаса шагнул под своды длинного коридора, соединяющего святилище с остальными храмовыми постройками. Сюда никогда не допускались обычные посетители, и он надеялся, что хорошо запомнил дорогу и не заблудится в этом лабиринте. Он больше не чувствовал чужих душ... Разучился...

Зато он теперь видел, слышал, ощущал запахи и даже холод. Обычный холод неотопливаемого коридора. Низкий потолок нависал прямо над головой – если протянуть руку, то можно коснуться плотной бумаги в белом квадратике стены...

Киёмаса прикоснулся и тут же отдернул руку. Это не бумага. Это что-то холодное и скользкое, как стекло.

...или не разучился? Совсем рядом он ощутил спокойное обволакивающее тепло. Ну уж нет! Теперь эти штучки с ним не пройдут! Рывком раздвинув створки дверей, Киёмаса почти ввалился в небольшое, закрытое со всех сторон помещение. Человек, стоявший перед огромным, на полстены, зеркалом, обернулся с легкой улыбкой:

– Я очень рад приветствовать тебя, старый друг.

Киёмаса оглядел его с ног до головы. Дурацкие узкие штаны и хаори⁴ с рукавами, словно приклеенными к запястьям. А из-под хаори виднелся воротник, больше напоминающий ошейник. Одежда чужестранца. Он знал, точнее предполагал, что сейчас многие одеваются так: проигравшая сторона надевает одежду победителя. Но... Но больше смущала не одежда, а возраст этого человека. Нет, не таким он его видел в последний раз.

– Мне нужна одежда. И конь. И мое оружие.

Человек в ответ весело расхохотался, тряся плечами и прикрывая губы ладонью. Киёмаса нахмурился и шагнул вперед, нависая над ним.

– Не злись, я смеюсь не над тобой. Просто вспомнил один фильм, иностранный... Тебе тоже нужно будет изучить современную культуру, она весьма любопытна. И одежду ты, несомненно, получишь, все давно готово. Не можешь же ты показаться своим потомкам в таком... хм... виде. И оружие тебе дадут. А вот с конем... об этом мы поговорим позже.

Киёмаса сделал еще один шаг, приблизившись к собеседнику почти вплотную. И поднял руку на уровень его груди, пошевелив пальцами, будто намеревался сомкнуть их на его шее.

– Не заговаривай мне зубы, тануки⁵. Тебя же не смущает мой вид, старый друг? А я очень, очень хочу знать, что Токугава задумали на этот раз.

– Дамы и господа! Наш самолет совершил посадку в международном аэропорту Пулково...

³ Великий Нитирэн – японский монах, основатель буддистской школы Нитирэн-сю, приверженцем которой был Като Киёмаса. Нитирэн особо выделял сутру Священного Лотоса, считая, что она может обеспечить счастье Японии и ее почитателям.

⁴ Хаори – японский жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно или с хакама – традиционными японскими длинными широкими штанами.

⁵ Тануки – енот-оборотень, прозвище Токугавы Иэясу.

Дальнейший текст объявления потонул в шуме аплодисментов. Сандер открыл глаза и поморщился. Он давно забыл об этой дурацкой традиции – хлопать команде, посадившей самолет. Или люди таким образом просто избавляются от стресса и радуются, что их не взорвали террористы и не подстрелили украинцы?

Он просил стюардессу разбудить его перед посадкой. Полноватая мулатка тогда поулыбалась и предложила виски. Умом она явно не блистала: он же ясно выразился «разбудить», а значит, собирался спать, а не пить. Ему нужно экономить силы: Андрюха не будет слушать жалобы на усталость после перелета. И от лишнего алкоголя стоит себя пока поберечь. Поэтому Сандер сразу после пересадки в Хельсинки надел повязку и пропал из окружающего мира, назло всем террористам.

Он отстегнул ремень и потянулся, похрустев спиной. Хотя это и бизнес-класс, но кресло – не кровать, а двадцать три года – не шестнадцать, когда они с Андрюхой ночевали под мостом где-то около Рязани, а сиденье старого раздолбанного КамАЗа казалось райски удобным...

Сандер улыбнулся. Интересно, как сейчас выглядит Андрюха? Не отрастил ли пивное брюшко? По скайпу он видел только его широкую круглую мордашу и вечную довольную ухмылку.

К счастью, очередь за багажом оказалась меньше, чем Сандер ожидал. Поймав свой чемодан, он поставил его на колеса и неспешно покатыл к выходу.

– Саня-я-я! Тормо-оз!

Он оглянулся. Со стороны входа, на бегу хватая со столика мобильный телефон и, по-видимому, ключи, к нему приближался Андрюха. Точнее, господин Андрей Нечаев – назвать Андрюхой этого солидного мужика наверняка мало у кого повернулся бы язык. Высокий, но худой и нескладный, сейчас Андрюха раздался в плечах, но нет, никакого пуза не отрастил. Наоборот, стал выглядеть гораздо спортивнее, чем пять лет назад. И одет был хоть и в джинсы со свитером и торчащей из-под него синей рубашкой, но покупалось все это, определенно, не в дешевом магазине.

А вот лицо не изменилось. Впрочем, эту морду Сандер лицезрел не далее как полсутки назад на экране своего телефона. И на этой самой морде красовалась она, неподражаемая Андрюхина улыбка.

– Ты, блин, чебурашка пришибленная! Тащится, как удав по стекловате! Бегом! – Андрюха сграбастал его за плечи и поволок к выходу. – Пятнадцать минут бесплатная парковка! Если опоздаем – пятисотку снимут. Совсем озверели!

Он схватил чемодан Сандера и вприпрыжку кинулся к дверям. Сандеру ничего не оставалось, как последовать за ним.

Но поспеть за трясущимся за свои кровные пятьсот рублей Андрюхой было не так-то просто. Когда Сандер вышел из здания аэропорта, Андрей уже заталкивал его чемодан в багажник огромного оранжевого крузака. И, нет, это не был какой-нибудь, прости господи, паркетник, что вы! Настоящий ФДжи, с огромными колесами и бездонным салоном, в котором, при большом желании, можно было разместить лошадь.

– Андрюха... – осведомился Сандер, подходя к машине и складывая брови домиком, – скажи мне, старый друг, тебя что, батя покусал?

– Так, не умничай! – Андрюха втянул товарища в пахнувший кожей и почему-то водкой салон и захлопнул дверь.

– У нас минута. Полетели! – Он газанул с места и, отчаянно вращая глазами, понесся к выезду с парковки. Едущее навстречу такси испуганно попятилось и прижалось к обочине. А внедорожник, взвизгнув, затормозил возле шлагбаума. Андрюха сунул в прорезь талон и – о чудо! Шлагбаум медленно пополз вверх.

– Й-й-эс! – Андрюха хлопнул себя кулаком по колену и повернулся к Сандеру. – Видал? «Ба-а-тя покусал»... Что б ты в тачках понимал, америкос, – он хохотнул. – А я, между прочим, фермер! Понял?

– Понял-понял. Ты мне вот что скажи, фермер, у тебя водярой откуда прет?

– А... – Андрюха принялся, – блин! Вот блин! – Он съехал на обочину и остановился. И перегнулся назад.

– Точно. Грохнул одну. Мать ее... – Он повернул к Сандеру расстроенное лицо. – Надо будет по дороге заехать еще купить, остановимся.

– По дороге куда, Андрюх? – Сандер вздохнул. Не то чтобы у него была хоть малейшая надежда, что друг отвезет его домой, но кто может запретить человеку, вернувшемуся с учебы из далекой страны в родные места, хоть немного помечтать?

– Как куда? На базу, конечно! Я ж тебе не сказал разве? Там все ждут уже. И батя, и Настюха, в общем, все наши. Ну да, а как ты думал? Я за тобой поехал и за водкой. А так – шашлык, баня, Ладога... Красота?

– Угу, красота... – Сандер вздохнул и посмотрел другу прямо в глаза. – М-м-м, а ты точно ничего не забыл?

– А? А что? – Андрюха вытаращился на него, и его лоб пошел глубокими складками.

– Медведя, Андрюх. Ты забыл медведя. Поехали!

Ёситада наклонился над раковиной и плеснул в лицо ледяной водой. Потом еще. И еще. Потер щеки и снова подставил руки под струю. Вдохнул, выдохнул, набрал воды в рот, прополоскал его, чтобы избавиться от ненавистного ментолового привкуса. Не помогло: язык и горло жгло так, словно он завтракал в корейском ресторане.

Нет, даже в таком ключе не стоит думать о завтраке. Рано, еще слишком рано – желудок уже не содрогался от спазмов, но болел сильно, а в горле стоял противный колючий ком.

И проклятый ментол. Сколько он съел тех бесполезных конфет? Десяток? Больше? Какая разница, все они в той или иной форме попали в розовый, пахнущий клубникой пакет. Какой идиот придумал ароматизировать пакеты? Человек и так не может справиться с собственным желудком, а тут ему еще предлагают на выбор яблоко или банан. Впрочем, вероятнее всего, это придумали ради заботы о соседях несчастного страдальца – самому ему уже ничем не поможешь.

Конечно же, наученный прошлым, невероятно горьким опытом, Ёситада принял все меры предосторожности. Ничего не ел аж за пять часов до посадки в самолет и принял снотворное еще в зале ожидания, да такое сильное, что уснул, едва защелкнув ремень безопасности.

...Чтобы проснуться через два часа как раз над Тихим океаном. Разумеется, он выбрал место подальше от окон, но авиакомпания позаботилась не только о пакетах. В спинку впереди стоящего кресла был вмонтирован экран. И спутниковая карта предстала перед Ёситадой во всей своей красе. С четким указанием высоты и глубины того места, над которым они сейчас пролетали.

Поэтому сначала ему принесли ингалятор, так как он начал задыхаться. Потом плед, потому что его трясло так, что, наверное, остальным пассажирам показалось, что они попали в турбулентный поток.

Конфеты и пакет были уже позже, когда обслуживающий персонал лайнера понял, что он не собирается умирать прямо сейчас.

«Неужели такой молодой и симпатичный юноша настолько боится упасть на землю?» – слегка насмешливо поинтересовалась у него пожилая соотечественница с соседнего кресла. Ёситада не помнил, что именно он ей ответил и ответил ли вообще. Впереди было еще двенадцать часов ада. Нет, как раз упасть он совершенно не боялся. И идея выпрыгнуть из само-

лета неоднократно посещала его голову за эту кошмарную бесконечность, которую он провел, зависая в пустоте. Ведь одиннадцать километров! Одиннадцать километров было только до поверхности воды. Примерно через час Ёситаде стало казаться, что земли под ним нет и никогда не было.

При этом, разумеется, суворексант, снотворный препарат нового поколения, продолжал действовать. Спать хотелось до одурения. Врач, выписавший рецепт, сказал, что на его памяти с этим лекарством ни разу не было сбоев. Видимо, Ёситада оказался первым – надо будет написать доктору. Или судиться с фармацевтической компанией.

Хотя, может, он и правда проспал большую часть полета, и ему снилось, как он летит над Тихим океаном с розовым клубничным пакетиком в руках.

Ёситада поднял голову и вытер лицо плотной матерчатой салфеткой. Сойдя с трапа самолета, он еле подавил в себе позыв броситься на родную землю и целовать ее. Хотя бы за то, что она есть.

Зеркало отразило слегка зеленоватое изможденное лицо, обрамленное торчащими во все стороны ярко-рыжими прядями.

«Анимешка», – называла его Оливия. Он напоминал ей персонажа японской мультипликации. Замученная, несчастная дурацкая анимешка... Надо написать Оливии, что он долетел. Она знает, как он переносит полет, и беспокоится.

Звякнул телефон. Ёситада взял его с полочки и открыл сообщение. И улыбнулся слегка печально. «Я знаю, что тебя не съели акулы, потому что я та акула, которая уже давно сожрала тебя».

Увидит ли он когда-нибудь Оливию еще раз? Вероятнее всего, нет, и она это тоже прекрасно понимает. Его беззаботная юность, полная приключений и романтики, осталась там, за ограждением аэропорта имени Джона Кеннеди. Теперь все будет совершенно по-другому. «Служить семье». Ёситада поморщился, снова криво улыбнулся и быстро набрал:

«Увы, я не рыба

И даже не птица, скользящая в небе.

Змея. Но зато на земле».

Нажав «отправить», он убрал телефон в задний карман брюк и вышел из туалета.

На парковке его ожидала черная «Хонда-Легенд». Сато, личный водитель и доверенное лицо господина Токугавы Ёримицу, стоял возле дверей, вытянувшись, как сухой бамбуковый стебель. При виде Ёситады он молча согнулся в слишком глубоком поклоне, и на мгновение показалось, что его худая спина сейчас треснет пополам. По мнению Ёситады, Сато давно было пора отправиться на заслуженный отдых, – еще ребенком он помнил водителя дедушки глубоким стариком. Но сейчас он несказанно был рад видеть этого человека. Сато потрясающе умел молчать не только языком, но и глазами. И словно умел читать мысли. Когда Ёситада был мальчишкой, это пугало его. А сейчас он знал, что Сато отвезет его именно туда, куда нужно, – в небольшую квартиру в Эдогаве. Там Ёситада не был уже пять лет, но он не сомневался, что все осталось на своих местах. И что окна с прекрасным видом на реку тщательно вымыты, а на кровати – чистое постельное белье. Стоит ли заказать еду по дороге? Или потом, когда он наконец выпится?

Громкий щелчок за спиной отвлек Ёситаду от размышлений. Он обернулся и тут же зажмурил глаза, ослепленный вспышкой. Кулаки сжались сами собой, и он медленно, четко разделяя слова, произнес:

– Я же ясно сказал: никто не должен знать, когда я прилетаю.

Сато тоже повернулся в сторону фотографа. На его лице появилось такое выражение, будто он сейчас выхватит из-за пояса несуществующий самурайский меч. Он шагнул вперед и протянул руку к наглому журналисту:

– Отдайте камеру, господин.

Тот отошел на пару шагов и снова защелкал камерой. Вспышка за вспышкой, прямо в глаза. Ёситада представил, как вскоре вот эти фотографии, где он с темными кругами под глазами, взъерошенный и мокрый, разлетятся по всей сети, и ярость раскаленной тягучей лавой поползла по его позвоночнику вниз. Он хотел броситься за наглым папарацци и отнять у него камеру силой, ударить, в конце концов, но понял, что не может сделать шаг.

И в эту секунду земля вздрогнула. Сейсмодатчик на столбе взорвался сигнальной сиреной, фотограф пошатнулся, попятился, споткнулся и шлепнулся на цветную плитку тротуара. Камера выпала из рук, и осколки брызнули во все стороны.

Ёситада выдохнул и оперся рукой на капот машины, чтобы сохранить равновесие. Но этого не понадобилось. Снова стало тихо, словно ничего и не произошло. Только попискивала предупреждающе сирена сейсмодатчика, показывая амплитуду толчка.

«Родная земля помогает мне даже в таких мелочах». Ёситада сморгнул выступившие слезы и сел в машину. Все-таки нужно будет заказать еду по дороге.

Слова приветствия, которые, без сомнения, от всего сердца произносил Като Такуми, девятнадцатый прямой его потомок и глава рода Като, Киёмаса благополучно прослушал. Самое нужное и важное из сказанного он и так знал, а именно: все эти имена и титулы никакого значения теперь не имеют. Замок, его замок, который он строил семь лет, собственноручно прорисовывая каждую балку на чертеже, отняли еще у его сына. И спалили в придачу. Поэтому предложение посетить замок он отверг, пожалуй, излишне резко. Не стоило пугать своего пра-пра... кого-то там. Мало того что они, эти люди, живущие в современном мире, напрочь забыли, что такое настоящие страх и опасность, так еще и ростом его потомки едва доставали ему до груди: и отец семейства, и сыновья. Самых младших членов семьи ему обещали показать позже, когда они доберутся до Нагато. Там находилось имение Такуми и, судя по всему, кузнечная мастерская, которой тот владел. Что же, гордиться потомками ему явно не приходилось, но и стыдиться тоже было нечего. Его отец был кузнецом, и Киёмаса не считал такую работу зазорной. Да и про то, что самурайского сословия больше нет, он отлично знал. А нынче и армию порядочную его стране запрещено иметь. И именно этот вопрос он очень хотел обсудить с Иэясу, который, как всегда, очень ловко ушел от разговора, сославшись на то, что встреча с потомком – важнейшая часть церемонии.

Одеждой Киёмаса остался доволен. Ткань нижнего косодэ⁶ была из простого хлопка, но при этом удивительно хорошего качества – мягкая и легкая. А хакама были украшены вышивкой, да такой красивой и яркой, что Киёмаса сначала даже нахмурился, не спутали ли его с девицей. Но счел, что это церемониальный наряд и позже ему дадут что-то другое. И очень надеялся, что это не будет похоже на костюмчик Токугавы.

Нет, все же... Он бы в жизни не узнал Иэясу в таком виде, если бы встретил его случайно на улице. И ладно бы одежда – старик Токугава был до неприличия молод. Киёмаса не дал бы ему больше тридцати лет.

Он задумался. А как же выглядит он сам? Чувствовал он себя превосходно – сильным, молодым и здоровым. Может, он тоже похож на мальчишку? Он попытался припомнить, как выглядел в том зеркале, возле которого стоял Иэясу, но внезапно понял, что не видел там своего отражения. Только стену. Ладно, об этом он спросит потом.

– Где мое оружие? – наконец задал он самый важный вопрос.

Такуми низко поклонился и махнул рукой. Двое монахов, одетые в такую же странную одежду, как и те, кто колдовал в святилище, поднесли длинный, украшенный резными узорами ящик. Такуми взял его, положил на столик и открыл, поклонившись на этот раз тому, что он там увидел. И только затем, взяв лежащий в ящике меч, протянул его Киёмасе.

⁶ Косодэ – нижнее кимоно, традиционно считавшееся нижним бельем.

Тот принял меч, выдернул его из ножен и взмахнул клинком в воздухе. Да, это действительно один из его мечей. Что совсем не плохо.

Если не считать того, что ему нужно было его копьё. Этот меч, острый и удобный, разлетелся бы на осколки, призови Киёмаса сейчас свою силу.

А коня, видимо, придется растить самому. Именно на это, похоже, намекал Токугава.

– Проводи меня в мои покои, потомок. Я хочу привести себя в порядок и принять фуру⁷. И пусть мне принесут еды и сакэ, я хочу говорить со своим... – он подобрал слова, – старым другом.

Мини-отель Иэясу выкупил полностью на неделю. Он не знал, насколько долго затянется церемония: у его людей – ученых, которые занимались разработками, сам Иэясу был первым опытом. И получится ли что-нибудь с другим ками, до конца было не ясно. Однако, будучи ками, Като Киёмаса исправно откликался на призывы и молитвы, обращенные к нему, и с ним удалось договориться. Дальнейшее зависело уже от техники и ученых, которые все это и придумали.

Радовало, что подошла кровь. Род Като прервался. По сути, нынешний глава был провозглашен таковым формально и не являлся прямым потомком. Тем не менее, судя по всему, его кровь вполне подошла. По крайней мере, внешне Като Киёмаса выглядел точно таким же, каким его запомнил Иэясу. Впрочем, он помнил его едва ли не с детства.

Очень хорошо, что Като настроен доброжелательно. Если бы он хотел напасть – уже бы напал. Значит, поверил. А теперь предстоит убедить его и дальше сотрудничать. Ну ничего, первый разговор – самый важный, тем более что бывший ками еще толком не привык к своему новому телу. И даже если он придет в ярость...

Иэясу остановился возле двери, ведущей в номер, отведенный для Киёмасы. Они постарались сделать обстановку привычной для человека, покинувшего этот мир четыреста лет назад, но все же оставалось еще многое из того, что могло сильно удивить или озадачить. Не потому ли Киёмаса уже больше двух часов не выходит из номера?

Иэясу дернул ручку и осторожно приоткрыл дверь. Киёмаса вполне мог стоять с обратной стороны, пытаясь понять, как она открывается.

Впрочем, нет. Он бы ее давно выломал.

В номере никого не оказалось. Иэясу успел мысленно отереть пот со лба, представив, что Киёмаса ушел один гулять по городу, но тут из ванной комнаты раздался шум воды.

Иэясу улыбнулся. Действительно, как он мог об этом не подумать. Вода.

Он подошел к двери ванной и прислушался. И собирался было уже открыть рот, чтобы предложить Киёмасе покинуть-таки фуру, но тут дверь резко отъехала в сторону, и Иэясу с ног до головы окатила струя воды.

– Видел?! Ты видел?! Она сама течет! И на тебя тоже! А на стену – не течет! И на полку. А на меня... – Киёмаса поднял розетку душа над головой, и поток воды обрушился ему на макушку. – Вот! – Он фыркнул, отплевываясь, развернул душ к стене и помахал им в воздухе.

– А так – не течет! – с гордостью объявил он и провел рукой под розеткой. Струя снова хлынула на пол, и без того по щиколотку залитый водой. Видимо, система слива не была рассчитана на то, что кто-то будет лить воду прямо на пол.

– И еще, смотри! – Киёмаса повесил душ на крючок и поводил под ним руками. – Видишь: не течет! А знаешь, где она?! Вода?

Иэясу вздохнул. Он знал. Но расстраивать Киёмасу не хотелось.

– Вот она! – Тот провел рукой под носиком крана, и струя полилась ему на руки.

⁷ Фуру – традиционная японская ванна.

– Я повелеваю водой! – Он снова схватился за душ, но Иэясу на этот раз был настороже и увернулся.

– Для тебя это новость, Киёмаса?

– Да нет, – Киёмаса расхохотался. Мокрая церемониальная одежда прилипла к его телу, а с волос вода текла прямо на лицо.

– Это почти как у Кобаякавы Такакагэ! Нет, даже, наверное, он так не умел! Как это сделано? Ты знаешь? О... – Киёмаса внезапно осекся и бросил душ на пол. – Только не говори, что там, в подвале, сидит человек, владеющий силой воды. И это он? Вот до такого дошло?

– Тихо. Успокойся, – Иэясу вздохнул, увидев, как вода на полу начала подергиваться тонкой корочкой льда, и повторил, шагнув назад: – Успокойся, никто ничем не управляет. Это современный водопровод. За тобой наблюдают и перекрывают воду, когда она тебе не нужна. Разве тебе этого не объяснили?

– Объяснили. А кто следит? Где? – Киёмаса заозирался по сторонам.

– Не знаю, потом поищешь. Тебе во многом нужно разобраться, ты помнишь?

– Помню. Но все же хорошо, что наделенные силой не набирают воду в фуро для гостей. Это было бы слишком. Я не согласен жить в таком мире.

Иэясу вздохнул еще глубже:

– Мне кажется, ты не совсем понял, Киёмаса. Похоже, что в этом мире владеющих силой осталось двое – я и ты.

Тщательно вытерев полотенцем волосы, Киёмаса протянул его Иэясу и завернулся в юкату⁸ с вышитыми по подолу журавлями и бамбуком. И прошел в комнату, где на столике стояли заказанные сакэ и угощение.

– Ну вот. Сейчас сядем, выпьем и как следует все обсудим.

– Вот оно как... – Иэясу отер лицо, повесил полотенце обратно и хитро прищурился. – То есть беседовать мы будем у тебя?

Киёмаса медленно повернул голову и усмехнулся:

– А что тебя смущает, старый друг? – Он снова выделил голосом слово «друг». – Ты давно не сёгун, да и сёгуната больше нет. И ты не Великий Бог Востока теперь. К чему разводить церемонии?

Иэясу нахмурился было, но тут же рассмеялся:

– Что же... я рад, что ты согласился принять мое приглашение. Без тебя этот мир был намного скучнее. К тому же это ведь мой дом, не так ли? Не все ли равно, где обедать?

Киёмаса откинулся, опершись спиной о стену, и тоже рассмеялся:

– Тануки... Все перевернет с ног на уши.

– Я рад, что мы поняли друг друга. Прости, мне нужно переодеться в сухое, я сейчас вернусь. А ты наливай пока. Да не жалея – разговор будет долгим.

– Можешь себе представить: они все считают, что я тебя отравил.

– Что? Кто считает? – Киёмаса с нарочитым подозрением повертел в руках чашку и бутылочку сакэ и хмыкнул.

– Люди. Так пишут во всех книгах, показывают в фильмах.

– В фильмах? – Киёмаса повторил незнакомое слово по слогам. Он уже второй раз услышал его от Иэясу – видимо, оно было довольно важным.

– Ну да. Я тебе потом покажу. Это гравюры, только движущиеся. И люди, и события выглядят на них настоящими.

⁸ Юката – традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки.

– Это как? – Киёмаса недоуменно наморщил лоб.

– Я же обещал, что покажу. Это не объяснить словами. Так вот. Я хотел сказать: я очень рад, что ты не держишь на меня зла.

– Эй! Это что, правда, что ли?! – Киёмаса замер, не донеся чашку до рта. – Ты совсем из ума выжил на старости лет? Я тебе живым нужен был как никому! Или... – Он отставил чашку в сторону и наклонился вперед, широко распахнув глаза. – Или ты господина Хидээри отравить хотел?!

– Тихо... спокойно. – Иэясу поднял руку и выставил ее ладонью вперед. Рукав его юкаты медленно заколыхался почти перед самым носом у Киёмасы. – Никого я не травил. И не собирался. Ты сам сказал: я еще не выжил из ума. Я собирался править этой страной не один год, и мой род тоже. Мне едва удалось замять это дело: ты умудрился заболеть сразу после того приема. Но если бы умер юный Хидээри – тогда бы мне точно не отвертеться. А вот ты на самом деле хотел меня убить. Скажи мне, ты бы пустил в ход свое оружие, которое прятал под одеждой? А я доверял тебе – тебя даже не обыскали.

– Нет, убивать я бы тебя не стал. А вот взять в заложники... взять в заложники тебя и вывести господина Хидээри я бы успел. Все делают глупости. Особенно плененные соблазном решить все одним махом. А уж сохранить доброе имя... не очень ты о нем заботился там, под Осакой⁹.

– ...Значит, все-таки не простил... – Иэясу вздохнул глубоко, всем телом, и прижал руку к губам.

– Простить? Я? Господин Хидээри звал меня, стоя в огне! Я слышал это! Слышал, но ничего не мог сделать, когда твой сын расстреливал его убежище из пушек! – Киёмаса привстал и треснул кулаком по полу так, что чашки и тарелочки на столике зазвенели.

– Ты не мог! Ты был мертв! А я... был жив! – Иэясу вздрогнул, и губы его задрожали. Он снова прижал к ним ладонь и, сильно кусая себя за палец, уставился на Киёмасу внезапно остекленевшим взглядом.

Киёмаса вздохнул и опустил голову.

– Вернись назад. Все уже кончилось. Даже пепел давно глубоко в земле. Ты сказал, что я не держу на тебя зла. Ты прав. И что тебе мое прощение? Не оно тебе нужно. Хидэтаде – вот кому бы я задал парочку вопросов. Что же ты сына своего любимого не вернул? А?

– Ты ведь знаешь. Он отказался от поклонения, сочтя, что недостойн его¹⁰. И где сейчас пребывает его душа, не известно даже мне.

– А душу господина Хидээри? Думаешь, ты сможешь отыскать ее?

– Он проклял меня перед смертью. И душа его до сих пор не знает покоя. И именно для этого мне нужен ты. Он отзовется, если ты позовешь.

Киёмаса наконец-то поднес чашку к губам и выпил сакэ. Налил и тут же снова залпом выпил. И вытер губы тыльной стороной ладони.

– И стоило ради этого воплощать меня? Ками куда легче найти неуспокоенную душу, чем человеку.

– Ты не понимаешь, – Иэясу покачал головой, – моя цель не просто получить прощение и вернуть ему покой. Я хочу подарить ему новую жизнь. Взамен той, которую отнял у него. Я уже полгода в этом мире. И ты знаешь, он прекрасен, и я ни о чем не жалею. Мои потомки сыграли не последнюю роль в том, чтобы сделать его таким. И я хочу, чтобы Хидээри увидел этот мир. А для этого... мне нужна твоя кровь, Киёмаса. Ведь у рода Тоётоми не осталось потомков.

⁹ Осака – имеется в виду вторая осакская кампания, в результате которой род Тоётоми Хидээси, прежнего властителя страны, был уничтожен, его сын, Тоётоми Хидээри, совершил самоубийство в горящем замке Осака, а к власти окончательно и на долгие годы пришел род Токугава.

¹⁰ Токугава Хидэтада, второй сёгун Японии из рода Токугава и выдающийся деятель, перед смертью отказался от поклонения, сказав, что недостойн его, и не почитался как ками.

Глава 2. Что нового?

Вода в Ладогe, как всегда, была ледяной. Но Сандер и забыл уже, каково это – после парилки, отхлеставшись веником и обжигая пятки о горячий пол, выскочить на свежий воздух и нырнуть в холодную воду. Словно заново родился. Может, они все и правы? Папа, Андрюха? И это именно то, что нужно, чтобы почувствовать, что он вернулся домой?

– Пивка? – Андрюха прямо в простыне зашел по колено в воду, протягивая Сандеру кружку с темным напитком.

– Не, я квасу лучше. Мне еще водку пить, не хочу мешать.

– Все... Дамы и господа! – во весь свой неслабый голос объявил Андрюха. – Наш друг, сын и брат Александр Одоевский окончательно превратился в янки! Ай! – За вскриком раздался громкий плеск. Сандер хмыкнул, провожая взглядом скрывающуюся под водой белобрысую макушку, и зашагал к берегу. Вслед ему полетела пустая кружка.

– Ты! Гребаный пиндос! – Рев Андрюхи разнесся над водой и был встречен многоголосым хохотом на берегу.

Сандер подошел к накрытым столикам и налил себе квас в пивную кружку. Сделал глоток и довольно зажмурился. Да, вот сейчас как следует завернуть мяса – самое то. А потом и выпить.

Мало что изменилось за прошедшие пять лет в этих местах. Отец совершенно не постарел, разве что слегка раздался в талии, но это было заметно только когда он голым скакал по парной. Настюха из тощей девицы превратилась в большегрудую нимфу, тоже слегка увеличившись в талии и бедрах. Или сестренка беременна? Надо будет спросить у Андрюхи, не хотелось бы попасть впросак.

– Ну ты... блин! – Подошедший сзади Андрюха ощутимо ткнул его в спину. – Как ты это сделал, вражина? Я даже не заметил, как ты меня завалил!

– Ха, – Сандер картинно отставил в сторону кружку с квасом, – это секретная техника якудза!

– Да ну? – недоверчиво уставился на него Андрюха. – Где это ты в Америке нашел якудз?

– Что б ты понимал... я был лучшим другом главного якудзы Японии! Страшный человек! В Маленьком Токио все падали в ужасе, только слышав его имя!

– Эй, а что ты делал в Токио? Ты же был в Кембридже?

– Это район в Лос-Анджелесе. Я там вел бизнес. Да вот, сам посмотри. – Сандер обтер мокрую руку о красную льняную салфетку, на которой лежал нарезанный лаваш, и взял со стола телефон.

– Во! Смотри! – Он нашел нужную фотку и повернул телефон экраном к Андрюхе.

– А-а-а... в натуре японец! Ты с ним учился, что ли? Выглядит, как полный педик.

– Сам ты выглядишь, как полный педик, – неожиданно обиделся Сандер, – это мой сосед по комнате. Мы учились вместе.

– А чего волосы крашенные? И глаза разные?

– Эх... надел бы ты свой ватник, фермер, – усмехнулся Сандер и потянул к себе шампур с мясом, – это особая, отличительная черта настоящего якудзы. Понял? – Он вцепился зубами в крайний кусок, снял его и, завернув в лаваш, отправил в рот.

На четырех столах, уставленных разнообразной снедью, начиная от соленых огурцов и капусты и заканчивая каким-то кошмарно вонючим и странного зеленоватого цвета сыром, наверняка невероятно элитным, из алкоголя были только пиво, водка и красное вино «Для дам-с», как любил говорить отец. Сам он пил исключительно водку, считая ее, и только ее, «насто-

ющим мужским напитком», и демонстративно морщился и высмеивал тех, кто пил марочный коньяк, а виски именовал не иначе как «самогонка американская».

И только Сандер знал, что на самом деле ничего, кроме водки, желудок отца просто не принимает. Мать тоже знала, но была свято уверена, что мужу тогда, в девяносто восьмом, удалили желчный пузырь.

Может, и удалили – Сандер никогда об этом не спрашивал. Картина, как отец сползает по открытой дверце своего чероки, держась за живот, и красные струйки начинают вытекать у него между пальцев, впечаталась в его мозг навсегда. И голос отца. Шипение. «Саня... на пол...»

Сандер никому не рассказывал об этом. Даже Андрюхе. Да и отец никогда не рассказывал, как распустился огненным цветком бензобак перегородившего трассу крузак и оторванная горящая голова его водителя шмякнулась им на капот. Это была их маленькая тайна.

Сандер налил в стопку холодную, явно недавно вынутую из морозилки водку (видимо, Андрюха вез запас на случай ядерной войны) и подмигнул отцу, поднимая стопку.

– Пей! – прикрикнул на него тот, шлепая ладонью по столешнице. – А то сидишь, как девица на смотринах.

Отец был весьма конкретно не трезв. Впрочем, когда они обнимались возле великолепной Андрюхиной оранжевой тачилы (Сандер не мог называть даже мысленно это произведение японского автопрома как-то по-другому), от отца уже слегка пахло ожиданием.

Сандер протянул руку, звякнул своей стопкой о другие, протянувшиеся к нему, и выпил залпом. И закусил ломтиком ветчины. Водка горячим приятным шариком прокатилась по горлу и мягко скользнула в желудок. То, что издавна в народе называлось «хорошо пошла».

– Ма-а-ам! Да сядь уже! – позвал он.

Мама тоже не изменилась совершенно, хотя ее Сандер толком рассмотреть не успевал: маленькая, юркая, похожая на рыжую белку, она постоянно суетилась между столами, что-то нарезая, подкладывая, выхватывая из рук дяди Игоря шампуры со свежим шашлыком.

– Да-да. Сейчас... еще квасу принесу...

– Сядь, сказали! – рявкнул отец и дернул ее за руку, усаживая рядом с собой. И, не отпуская, второй рукой налил вина в стоящий рядом бокал. – Сын приехал, а ты его встретить нормально не можешь. И так жратвы – за неделю не съесть.

– Дюшка за день справится, – засмеялась за спиной Настюха и тоже уселась на лавку, перекинув через нее ногу. – Ну, давай, рассказывай. Как ты там Америку открывал?

Отец тем временем встал и пошел в домик. И вернулся оттуда спустя пару минут с небольшим футляром в руках. Снова сел за стол и постучал по нему, привлекая внимание. Футляр он положил рядом.

Сандер покачал головой. Его начали терзать недобрые предчувствия.

– Сегодняшний вечер я бы хотел продолжить, так сказать, официальной частью, – заговорил отец, убедившись, что все на него смотрят. – Все знают, что мой сын, Александр, сегодня вернулся домой. Окончив с отличием Гарвардский университет! Мы все по праву гордимся этим человеком: и тем, что родили, вырастили его, дружили с ним и прочее и прочее... – Он рассмеялся, и его смех потонул в аплодисментах, а Сандер мысленно взмолился, чтобы на этом «официальная часть» и закончилась. Но нет. Отец поднял в воздух футляр и, дождавшись, когда хлопки смолкнут, продолжил:

– И поэтому я считаю, что пришел наконец долгожданный час. Именно сегодня я хочу передать тебе, Александр, мой сын и наследник, нашу старую семейную реликвию.

Он открыл футляр и извлек из него японский кинжал. Сандер закатил глаза и подпер подбородок ладонью.

– ...Как известно, мой прадед, Виктор Одоевский был дворянином и офицером царской армии. Он прошел Русско-японскую войну, где и получил в качестве трофея этот японский

офицерский кортик, а также был героем Гражданской войны, разумеется, со стороны истинных патриотов России! И, несмотря на то что был вынужден покинуть родину, когда родной стране снова угрожала опасность, он, как истинный патриот...

– ...решил во Второй мировой войне не участвовать, как впрочем, и вся остальная Франция, а вернуться на родину уже после, пока все были добрые, – закончил за него Сандер и, снова закатив глаза, развел руками.

Над столами повисла гнетущая тишина. Только слышно было тихое шуршание волн Ладоги по песку.

– Что ты сказал?.. – Отец недоуменно посмотрел на него и даже слегка приоткрыл рот.

– Я сказал: хватит сочинять, папа. Никогда, ни дня в своей жизни наш предок не воевал. Он был комендантом концлагеря для японцев, а потом переводчиком в штабе. И с этими же японцами и уплыл. А этот танто¹¹ он забрал у японца, который им закололся в плену. И диплом у меня самый обычный, могу показать. А в «Теодолите» я не буду работать даже курьером. Я тебе об этом уже не раз говорил.

Тяжелый дубовый стол покачнулся, и с края посыпались вилки и огурцы. Отец захрипел, и его лицо налилось кровью.

– Охренел совсем там, в америках своих – так на меня быковать?! – Скамейка полетела в сторону.

– Витя! Витя! – Мать повисла у него на руке, но отец стряхнул ее и, приблизившись вплотную к Сандеру, размахнулся, метя кулаком в лицо.

И только тогда Сандер наконец поднялся.

– Придурки... два сапога... идиоты... – Мать свернула в три четверти мокрое полотенце и протянула его отцу.

Тот прижал его к челюсти и усмехнулся одной стороной губ. – Мать... свали, не причитай. Кто тебя драться учил?

– Друг. – Сандер облизал разбитые костяшки пальцев и тоже усмехнулся. – Мама, принеси водки.

– Правильно мыслишь... – Отец нахмурился и зыркнул из-под бровей. – Ну ты и скотина, Саня. Я ж для тебя все это...

– Что – все?

– Ну, вот это. – Отец повел рукой вокруг.

Сандер огляделся. Несколько домиков, кусок берега, огороженный забором, – «базу» отец купил незадолго до его отъезда, и Сандер еще не знал, приносит ли это место хоть какую-то прибыль или используется отцом исключительно для отдыха.

– Ты мне что, хотел эту дачу подарить, что ли? – усмехнулся Сандер.

– Дурак ты... Я помру – чья компания будет? Настькина?

– А ты не помирай... Не хочешь Насте – внуку передашь.

– Тоже заметил... Эх... внуку. Нечаев он будет, а не Одоевский. Понимать надо. Сань... ты ж один у меня сын... почему ты так поступаешь?

Мать принесла нераспечатанную бутылку и две стопки. И, коротко кивнув, ушла наводить порядок на столе. Сандер откинулся спиной на стену домика и протянул руку:

– Дай полотенце.

Забрав, откупорил бутылку и начал поливать ворсистую ткань.

– Э-э! – возмущенно завопил отец. – Не переводи продукт!

Он отнял у Сандера бутылку и приложился к горлышку.

– Вот, возьми, прижми к щеке. А то говорить завтра нормально не сможешь.

¹¹ Танто – короткий меч самурая.

– Угу. – Отец забрал у сына полотенце и сунул тому в руки бутылку.

Сандер подумал немного и наклонил бутылку над стопкой, наблюдая, как густая струя наполняет ее до краев.

– Знаешь кто я, папа? И кто ты?

– Ну? – Отец поднял взгляд.

– Ты – человек, который в семнадцать разгружал машины с кроссовками на Апрашке. А в моем возрасте уже имел с десяток таких машин. А сейчас – я даже не буду перечислять то, что принадлежит тебе сейчас. «Теодолит» – одна из ведущих компаний в своей отрасли. А я? Сынок богатого папочки, поехавший учиться в Гарвард на деньги отца. Вот скажи, есть чем гордиться? А? Ты бы собой гордился? А отцом таким? А я тобой горжусь, пап, понимаешь?

– Понимаю... – Отец потрепал его по волосам. – Понимаю... Дать бы тебе в морду все же как следует.

– Ну дай. – Сандер усмехнулся и опрокинул залпом содержимое стопки.

Ёситада поднял руку, взглянул на часы и поправил рукав рубашки. Ему показалось, что на нем образовалась складка. И снова огляделся. С одной стороны, этот лифт ужасно его раздражал и временами даже пугал – кабина была почти полностью зеркальной. Кроме пола, но и он был отполирован до блеска. Создавалась полная иллюзия, что висишь в пустоте. Впрочем, существовали лифты и похуже, например полностью прозрачные. С другой стороны, у этого лифта было неоспоримое преимущество – можно рассмотреть себя как следует, даже со спины. А значит, заметить любой непорядок в одежде, обуви или прическе, если таковой имелся. И вовремя исправить. Потому что неряшливости дедушка не терпел. Не терпел настолько, что за недостаточно аккуратную прическу сотрудники вылетали даже из совета директоров. Кто знает, может тот, кто разрабатывал дизайн этого лифта, и правда был движим заботой о людях.

Ёситада увольнения не боялся, но и не хотел раздражать дедушку сильнее необходимого. А лифт тем временем остановился и бесшумно распахнул створки, представляя вниманию Ёситады просторный коридор двадцать восьмого этажа, где находился головной офис «Китаханы». И кабинет дедушки. Сердце компании. Ёситада вышел из лифта и ступил на глянцевый дорогой паркет. Стилизация под древность. Именно стилизация, легкая и ненавязчивая, дерево только устилает пол, все остальное – сталь, пластик и стекло. И огромное панорамное окно с фонтаном и диванчиками возле него. Для посетителей.

Которые оказывались здесь не особенно часто. Телевизор, обычный для таких холлов, отсутствовал. Что должно было подчеркивать, во-первых, традиционность, а во-вторых, серьезность посетителя, желающего попасть на прием к господину Токугава Ёримицу. То есть, если ты серьезный человек и тебя интересует бизнес, а не развлечения, смотри фонтан. Или в окно.

Ёситада в окно смотреть не любил. Да и задерживаться тут не планировал. Он прекрасно знал, что еще сильнее, чем опрятность, дедушка ценит пунктуальность. Поэтому снова взглянул на часы, помедлил несколько секунд, еще раз оглядел свое отражение в черной полированной двери кабинета и ровно в 12:00 распахнул ее, перешагнув через порог.

И одновременно повернулось большое черное кресло возле панорамного окна, по размерам едва ли не большего, чем то, которое украшало коридор.

В детстве Ёситада думал, что дедушка отсюда управляет городом. Как в фильмах. Сейчас Ёситада понимал, что в детстве не слишком ошибался. Токугава почти век назад отказались от любого участия в политике. Официального участия. И ни разу не нарушали данного слова.

Но разве не знает даже ребенок, что настоящую власть держит в руках не правительство? Истинные правители страны – хозяева крупных корпораций.

Масштаб «Китаханы» не настолько грандиозен. Но это была лишь одна из компаний, принадлежащих семье Токугава. И Ёситада прекрасно знал, зачем он сюда пришел. Осталось совсем немного времени до той неизбежной поры, когда он сам должен будет сесть в это кресло.

Тогда он первым делом распорядится, чтобы на окно повесили... что-нибудь. Например, экран из десятимиллиметровой стали.

С некоторым содроганием, впрочем, исключительно внутренним, он шагнул на середину комнаты. Или, скорее, небольшого зала. Дедушка любил проводить заседания совета именно здесь, в своем кабинете. Кресла, предназначенные для посетителей, прятались в нишах, из которых готовы были выехать, как только понадобится...

...и наброситься на тебя.

Ёситада едва заметно сглотнул и ощутил непреодолимое желание расправить слишком тугой галстук. Но вместо этого склонился в глубоком почтительном поклоне.

– Приветствую тебя, дорогой внук, – услышал он слегка надтреснутый, но привычно спокойный и уверенный голос.

– Я прибыл, мой господин. – Ёситада медленно выпрямился и встретился взглядом с сидящим в кресле пожилым человеком. – И готов приступить к своим обязанностям. – Он немного помолчал и добавил: – Но волосы красить я больше не буду. И линзы носить – тоже.

Ему показалось, что даже воздух в помещении замер и загустел настолько, что стал слышен шум ветра за окном. Но Ёситада смотрел дедушке прямо в глаза. Не отводя взгляда. И эту гнетущую тишину нарушила череда четких редких звуков. Сухих и трескучих, как автоматная очередь в дешевом кино. Дедушка также смотрел на него, не отрываясь, – двигались только руки. «Хлоп. Хлоп. Хлоп».

Ёситада не выдержал и посмотрел вниз. На пол. Стараясь не зацепить взглядом экран.

– Я не ожидал от тебя другого ответа. Я много размышлял: что ты скажешь, какими будут твои первые слова? И не ошибся. Скажи ты что-нибудь другое – я бы крепко подумал, сажать тебя в это кресло или повременить еще десяток лет. Присядь. – Господин Ёримичу сделал приглашающий жест рукой, и одно из кресел выехало из ниши и подкатилось к ногам Ёситады. Тот осторожно опустился на мягкую замшу и наконец-то вздохнул. Дедушка обожал современные технологии и зрелищные фокусы. И оставалось только гадать, подаст ли кофе робот-секретарь или чашечка сама выскочит из столика.

Но Ёситада не угадал. Бесшумно открылась дверца в стене, и совсем юная девушка в деловом сером костюме с совершенно непроницаемым лицом внесла поднос. Расставив чашки на столе, она так же тихо исчезла, словно растворилась в стене.

...Впрочем, кто сказал, что она не робот?

Ёситада едва заметно улыбнулся. Формальности были закончены.

– Ну? А как сам считаешь? Ты готов? – Господин Ёримичу похлопал ладонью по столу.

– Это огромная честь для меня. И нельзя быть к этому готовым. Мне предстоит еще годы и годы учения искусству управления у вас. И все-таки, я прошу ответить на мой вопрос. Почему я? Почему не мой отец?

– Потому что он не Токугава. И такому, как он, не место в этом кресле. Понимаешь меня? – Негромкий голос хозяина компании тем не менее эхом разнесся под сводами зала.

– Да, – коротко выдохнул Ёситада.

– Хорошо, – господин Ёримичу кивнул, – ты должен понимать. Ты мой внук. А тот человек так и не стал мне сыном. А ты? Почему ты сам не хочешь встретиться с отцом?

Ёситада потупился.

– Говори, не смущайся. Я знаю, что ты не навестил Самико с тех пор, как вернулся. Потому что ждешь, когда отец уедет из дома по делам. Ты хоть звонил ей?

– Конечно, разумеется... – смутился Ёситада. Он и сам очень хотел как можно скорее повидать маму, но она не считала пристойным посетить без мужа даже собственного сына. Она, вероятнее всего, просто не хотела ссоры ни с кем из них.

– Я... и отцу звонил тоже. Но ему нет дела, где сейчас Митоко. Он не хочет этого знать. О чем мне с ним говорить?

Господин Ёримицу поднял одну бровь:

– А, на мой взгляд, это похвально, что он так увлечен работой и не смотрит развлекательные каналы. А без твоей сестры сейчас не обходится ни одно приличное шоу.

– Вы смотрите выступления Митоко? Вы? – потрясенно спросил Ёситада.

– Конечно. Девочка отлично поет и замечательно танцует. И кто еще, кроме меня, проследит, чтобы малышку никто не обманул? И не обидел?

– Но... – Ёситада изумленно хлопал глазами, – но это вы лишили ее нашей фамилии! Почему? Если вы понимаете, что сцена – это ее жизнь?!

– А ты не кричи на меня, юноша, не кричи. Жизнь, без сомнения, принадлежит Митоко. А вот фамилия – моя. Подумай об этом как следует. Но позже. А сейчас мне нужно рассказать тебе об очень важном событии. Которое, вероятно, изменит дальнейшую судьбу нашей семьи. И я хочу познакомить тебя кое с кем. Как только он решит свои личные дела и вернется в Токио.

«Зеркало» оказалось вовсе не зеркалом. Киёмаса сосредоточенно рассматривал черную гладкую поверхность такого же прямоугольника, возле которого он увидел Иэясу в первый раз.

– Да, да. Это он. Монитор. Жидкокристаллический.

– Чего? – Складка над переносицей Киёмасы стала еще глубже. – Жидкий? Он что, жидкий, что ли? – Он протянул руку, потрогал гладкую скользкую поверхность и довольно улыбнулся. – А-а-а! Лед! Да?

– Ну... почти, – рассмеялся Иэясу, – это на самом деле стекло. Только не обычное. Помнишь Зеркало Морского Дракона?

– Помню. Оно показывало прошлое и будущее.

– Ну вот. Это что-то вроде. В общем, я знаю, нервы у тебя крепкие, поэтому просто отойди и смотри. Хорошо? И ничего не трогай – это всего лишь картинки.

– Что я, дурак, что ли? – обиделся Киёмаса. – Я же не хочу, чтобы крабы откусили мне пальцы!

Иэясу снова рассмеялся и поднял плоский черно-серебряный прямоугольник. Киёмаса попытался понять, что Токугава делает, но внезапно «зеркало» засветилось и откуда-то полилась тихая мелодия. Киёмаса закрутил головой, пытаясь понять, где находятся музыканты. Наверняка они замаскированы ширмой – его светлость очень любил такие шутки, а Киёмаса любил отгадывать такие загадки.

– Не ищи. Тут никого нет. Откуда звук, ты поймешь позже. Смотри на экран. Вот сюда. – Иэясу протянул руку, указывая, куда нужно смотреть.

На том, что он назвал «экраном», появилось изображение замка. Его, Киёмасы, замка, настолько правдивое, что Киёмасе показалось, будто он смотрит в окно. Он как замороженный уставился в «экран». Картинка задвигалась, и он едва не вскрикнул от неожиданности, но показывать перед лицом Иэясу удивление или страх... Нет уж. Хитрый тануки никогда не поймает его на слабости. Поэтому Киёмаса слегка поджал губы и одобрительно покачал головой:

– О! Это зеркало – превосходная, достойная вещь, я бы и сам хотел себе такую же. Наверное, стоит целое состояние?

Иэясу махнул рукой:

– А, брось. Это ничего не стоит. Небольшой подарок тебе. Смотри, я тебе покажу, как оно работает.

Картинка с замком снова поплыла, поворачиваясь разными ракурсами, потом замок оказался снизу, а Киёмаса смотрел на него с такой высоты, что у него слегка закружилась голова. И он увидел, что замок стоит в самом центре города. Странного, непривычного города.

Киёмаса не знал, как выглядят теперь человеческие города. Он просто ощущал, что с каждым годом людей вокруг его святилища становилось все больше и больше. Он слышал их мысли, их молитвы и просьбы. И именно из них узнавал, как все это время менялся мир. Но это уже начинало забываться, покрываться легким туманом, словно сон, который он помнил, но не более.

А вот эти картинки – они настоящие. Киёмаса, не отрываясь, следил за изображением, которое разворачивалось перед ним. Огромные каменные дома, по сравнению с которыми его величественный когда-то замок казался игрушкой, множество сверкающих стальных повозок, снующих туда-сюда по отличным гладким мощеным дорогам. И люди. Везде толпы людей в разноцветной, непривычной одежде.

Губы Киёмасы растянулись в довольной улыбке, и глаза увлажнились:

– А ведь они неплохо живут, да, Иэясу? Смотри! Они выглядят довольными!

– Да, Киёмаса, да. Ты отлично справлялся все эти годы. Оберегал своих людей и защищал их. – Иэясу коснулся пальцем блестящей поверхности прямоугольника, который он держал в руках, и изображение замерло. – Я расскажу тебе, на что похож современный мир. И покажу.

«Ты моя бесконечная ночь,
Ты мой закат и рассвет...» –

разносилось по коридору.

Эту песню Иэясу знал почти наизусть: очень популярная в этом месяце, она звучала отовсюду. Из приемников проезжавших мимо машин, в магазинах, кафе. «Ты мой закат и рассвет...» – раздавалось едва ли не из каждого второго телефона, прежде чем владелец подносил его к уху.

И – из покоев Като Киёмасы. Четыре комнаты было в его номере, и окна двух из них выходили во двор. И Иэясу, вылезая из машины и отпуская водителя кивком головы, ничуть не сомневался – Като Киёмаса прекрасно разобрался с подаренной ему техникой.

Ты растаешь в моих лучах,
Я замерзну в твоих объятьях...

Иэясу постучал в дверь номера.

– Киёмаса! – крикнул он, но ответа не последовало. Он дернул за ручку, открывая дверь. И глубоко вздохнул, остановившись на пороге.

Киёмаса сидел посреди комнаты, скрестив ноги, и таращился на экран огромными удивленными глазами. Пальцы его рук, лежащих на коленях, слегка подергивались, рот был приоткрыт, и по подбородку стекала струйка слюны.

– Киёмаса... – снова позвал Иэясу, осторожно приближаясь. Но тот сидел, все так же уставившись в экран ошарашенным немигающим взглядом.

Да, зрелище и правда было завораживающим для человека, видевшего что-то подобное в первый раз. На экране по залитой разноцветными огнями сияющей сцене скользила юная девушка. Серебристый, почти зеркальный шелк ее длинных одежд отражал все огни, направленные на нее. Длинные волосы, уложенные на макушке и украшенные сияющими камнями, спускались ниже пояса и золотом струились по ее телу, прячась в складках одежд. Певица будто двигалась по лунному лучу, поднимаясь все выше и выше над сценой. Голос тоже был неплох. Иэясу закатил глаза, покачал головой, наклонился, поднял пульт и тронул кнопку посередине.

Девушка исчезла, и на экране появилась заставка – плывущие над морем облака.

– Госпожа Луна! – взревел Киёмаса, вскакивая. – Ты! Ты что наделал?! – Он выхватил из рук Иэясу пульт и принялся тыкать в него пальцем. Но ничего не происходило: Иэясу не только нажал «стоп», но и заблокировал сенсор, ожидая такой реакции.

– Где? Госпожа Луна?! – Киёмаса в отчаянии развернулся к экрану, словно ожидая, что девушка появится там опять.

– Прекрати, Киёмаса, – слегка скривил губы Иэясу, – это не живое выступление. Я найду тебе запись этого концерта, и хоть всю ночь сиди со своей «госпожой Луной».

– Иэясу! – Верхняя губа Киёмасы дрогнула, обнажая зубы, и он сжал кулаки. – Я не хочу эти песни читать! Я хочу слушать! И смотреть, как танцует госпожа Луна!

Иэясу судорожно сглотнул и отступил на шаг. Сердце сжала ледяная ладонь, по спине поползли мурашки. Бежать. Бежать отсюда, пока не поздно. Иэясу попытался вдохнуть, и, к счастью, у него это получилось. Он выставил вперед ладони, и тепло заструилось по его пальцам, сбрасывая с тела оцепенение. И в эту секунду раздался треск, и во все стороны брызнули мелкие черные и серебристые осколки.

– Като! – выдохнул Иэясу и поднял голову, ловя взгляд Киёмасы, но тут же понял, что это уже не нужно: Киёмаса и сам смотрел на него, и в этих, еще мгновение назад прозрачных ледяных глазах, плескались недоумение и обида. Киёмаса медленно поднял руку, в которой только что был пульт, и стряхнул с ладони капельки воды. И виновато посмотрел на Иэясу.

– Как же так?.. – в его голосе звучала растерянность. – Иэясу, как же так?.. Я клянусь тебе: со мной такого лет с двадцати не случалось!

– Ничего... ничего, все в порядке, Киёмаса. – Иэясу поднял руки в успокаивающем жесте и постарался говорить ровно и спокойно, восстанавливая дыхание.

– Это новое тело всему виной. Точнее, то, что ты отвык управлять телом и силой. Немного тренировок – и все придет в норму. Просто пока сдержанней выражай свои чувства. Ты чуть не убил меня! А кто знает, удастся ли моим потомкам фокус с воплощением еще раз. – Он по-доброму весело рассмеялся.

– Точно, – улыбнулся в ответ Киёмаса, но тут же снова нахмурился. – Проклятие, я сломал твой подарок. Нет мне прощения. Как я могу искупить свою вину?

– Ничего ты не сломал, Киёмаса. Это всего лишь пульт.

– Что?

– Пульт управления... это... как бы... о! Это как уздечка. Порвав уздечку, ты же не убьешь лошадь, ведь так?

– Ну... да... – Лицо Киёмасы мгновенно просветлело. – И можно купить другую... уздечку, так?

– Так. Сегодня займемся и этим тоже. Раз тебе уж так приглянулась «госпожа Луна», – захихикал Иэясу.

– Ты что подумал, старый тануки?! – возмутился Киёмаса, хватая Иэясу рукой за плечо.

Иэясу увернулся, продолжая хихикать. Вот чем ему всегда нравился этот человек – никогда не перепутаешь, злится он по-настоящему или только делает вид.

А еще он был очень доволен тем, что действие его силы на Киёмасу ничуть не изменилось.

– Ладно. Но – ты видел? Ты видел ее, Иэясу? Ее волосы?

– Видел. Но...

– И что? – перебил его Киёмаса, не дослушав. – Сравни ее волосы и мои! – На лице Киёмасы появилась победная улыбка, и он подергал себя за пучок волос, связанных на затылке. – Ты ошибся, Иэясу!

– Нет, Киёмаса, прости, но боюсь, что ошибаешься ты.

– Я? Ну уж нет. Ты меня не держи за дурака, я тоже кое-что в этом понимаю. Я все детство думал, что я не человек, а выродок и ёкай! Пока мне не объяснили, что я наделен такой внешностью оттого, что в моих жилах течет кровь богов!

Иэясу смерил Киёмасу взглядом и покачал головой. Даже он, впервые увидев этого человека еще совсем мальчишкой, содрогнулся. Его волосы были подобны остывшим углям костра, подернутым пеплом. Можно было решить, что они просто рано поседели, если бы не его глаза – настолько бледно-голубые, что издалика казались белыми. И само лицо, с резкими, как будто высеченными из куска камня чертами, почти лишенное ресниц и бровей, не отличалось красотой и изяществом. Длинные развевающиеся белесые волосы дополняли картину. А перед боем Като Киёмаса подводил глаза черным, чтобы выглядеть еще страшнее. А если добавить ко всему этому огромный рост... Враги называли его «генерал-дьявол» не только из страха перед ним. Многие и правда верили, что он порождение Махападма-нараки – Великого лотосового ада¹².

Иэясу еще раз помотал головой и печально улыбнулся:

– Боюсь расстраивать тебя. Но у твоей красавицы не настоящие волосы.

– Чего?! – прищурился Киёмаса и сложил руки на груди. – Я что, по-твоему, не способен отличить женские волосы от конского хвоста?

– Я вовсе не об этом говорил, Киёмаса. Несомненно, волосы принадлежат этой девушке. Она просто красит их, чтобы выглядеть необычно и привлекательно. У людей из-за моря часто встречается такой цвет, да ты и сам это знаешь. Разве это означает, что их кровь божественна?

– Пусть так. И ты уверен, что сила ушла из нашего мира?

– Я не знаю, Киёмаса. Но мои дети, то есть мои потомки, даже не слышали о том, что она была. Да и я за полгода не увидел ничего похожего. Истории про «воина, выступавшего в одиночку против тысячи» они считают сказками.

Киёмаса прикрыл глаза и сжал пальцами подбородок.

– Я тоже считал это сказками, которые рассказывают монахи, чтобы дети не разбежались с занятий по письму. А когда однажды ночью мои солдаты чуть не умерли от холода и страха – ушел в лес и жил там всю осень, уверенный, что мне не место среди людей.

– Я говорю не о простых людях, Киёмаса. Глава моего рода должен был знать. Но боюсь, что именно на моей семье лежит ответственность за то, что произошло.

– Это почему же?

– Долго, очень долго не было войн. И никто не обучал воинов как положено.

– Может, и так... Что же – за этим мы и вернулись, а? – Киёмаса усмехнулся и хлопнул Иэясу по плечу так, что тот пошатнулся.

– Нет. Мы вернулись, чтобы отдать старые долги. И чтобы жить в этом мире как обычные люди. Помнишь, мы именно об этом договорились с тобой и ты дал свое согласие?

– Ну, помню.

– Вот за этим я и пришел. Ты готов к прогулке по городу, Киёмаса? – спросил Иэясу.

– Готов. Я всю ночь рассматривал эти движущиеся картинки, и, конечно, я хочу видеть, как оно все выглядит на самом деле. И эти... самоходные повозки. Я хочу прокатиться на такой! Они быстро ездят? Как лошадь? Быстрее?

– Намного быстрее. Но, думаю, не надо тебе объяснять, что открыто показывать, что ты удивлен, не стоит?

– Иэясу! Я что, по-твоему, неотесанная деревенщина?! – возмутился Киёмаса.

¹² Ад в буддизме – нарака – мир адских существ (нараков), которые подвержены тяжелым мучениям из-за своих кармических деяний. Существует восемь холодных адов. Один из них – Махападма-нарака – Великий лотосовый ад. Все тело трескается от холода, и внутренние органы от страшного мороза тоже растрескиваются.

– Нет, что ты. Просто ты иногда бываешь... несдержан. Например, тебе может показаться, что тебя кто-то оскорбил.

– Так пусть не оскорбляют!

– Я же сказал: может показаться. Сейчас очень, очень изменились нравы и понятия о вежливости.

– Так и говори, Иэясу: «Ты никто в этом мире и ведай себя так, как будто твоя рука никогда не держала меч».

– Нет, не так... но хорошо, что ты заговорил об этом. Меч. Оружие нельзя носить на улице. Это запрещено.

– Что?! Я должен ходить по улице без меча?! О чем ты говоришь?!

– О том, что тут так принято. Оружие носят только стражники. И потом, неужели ты боишься? Боишься, что в твоём городе на тебя кто-то нападет?

– Я?! Вот еще. Просто... ты бы еще предложил мне прогуляться по улице в одних фундоси¹³!

Иэясу снова вздохнул. Его самого около месяца не выпускали на улицу, готовя к встрече с незнакомым миром. Он считал эту предосторожность излишней. И прекрасно понимал, что у Киёмасы попросту не хватит терпения ждать так долго. Ему нужно все потрогать и на все посмотреть своими глазами. Да и самому Иэясу доставляло огромное удовольствие показывать своему современнику этот изменившийся мир.

– Хорошо, – внезапно покладисто проговорил Киёмаса, – я оставлю меч тут. Но взамен обещай мне кое-что.

– Что ты хочешь? – Иэясу слегка насторожился.

– Пообещай мне, что больше никогда не скажешь, что у госпожи Луны ненастоящие волосы!

– Обещаю. Ни слова об этом. – Иэясу на всякий случай снова поднял открытые ладони. – Вот еще что. У меня есть для тебя маленький, но очень важный подарок. Именно этот предмет так же важен для современного человека, как меч для тебя.

– О? Что это? – немедленно заинтересовался Киёмаса.

Иэясу достал из внутреннего кармана куртки плоский прямоугольник размером примерно с ладонь.

– Это что? Еще одно зеркало? Такое маленькое? О-о-о... – Киёмаса наклонился и принялся рассматривать незнакомую вещь. Блестящая полированная поверхность загадочно мерцала.

– Не совсем. Это куда более нужная и сложная вещь. Но ты справишься, я уверен. Я уже говорил: вся жизнь современного человека – вот здесь, – Он коснулся пальцем края «зеркала», и на нем появилась картинка – все тот же замок. Только в снегу и ранним вечером.

– Возьми.

Киёмаса осторожно принял в ладонь эту хрупкую вещь. Он боялся вздохнуть лишний раз, чтобы не повредить ненароком странное сокровище.

– А теперь смотри. – Иэясу достал из-под куртки точно такое же «зеркало» и потыкал пальцем в экран.

Хрустальный прямоугольник в руке Киёмасы словно ожил. Он подхватил его двумя руками, чтобы не уронить, и озадаченно моргнул, когда вместо замка появилось лицо Иэясу. В некотором недоумении Киёмаса повернул голову.

– Вот. Смотри, видишь тут такой кружочек? Я сейчас выйду в коридор, а ты после этого коснись его пальцем.

¹³ Фундоси – традиционное японское мужское нижнее белье.

– Да... – протянул Киёмаса, глядя на экран и стараясь ничего не упустить. Когда за Иэясу закрылась дверь, сделал так, как тот и говорил.

Внезапно изображение оживо. Иэясу на картинке заулыбался и спросил:

– Ну как? Ты меня хорошо слышишь?

Киёмаса завертел головой. Нет, голос Иэясу из коридора не мог доноситься настолько отчетливо. Он раздавался из этой плоской штуки. Киёмаса осторожно сжал ее в руке и бросился в коридор.

– Эй! Чертов тануки! Как ты это делаешь?!

Глава 3. О науке и странных идеях

Ёситада прошел за низенькую бамбуковую ширму и с наслаждением опустился в мягкое кресло. Водителя он отпустил еще утром, а собственным автомобилем пока не обзавелся – сначала нужно получить права: международные не действительны на его родине. Поэтому, не желая толкаться лишний раз в общественном транспорте, несколько кварталов от станции до ресторанчика, в котором была назначена встреча, он прошел пешком. И понял, насколько отвык от пеших прогулок. Но ему нравилось тут – модное смешение традиционного и европейского стилей позволяло расслабиться и чувствовать себя максимально удобно.

– Что-нибудь желаете?

Ёситада вздрогнул. Он совершенно забыл о хостес, которая отвела его к столику и положила перед ним три книжечки меню в кожаных переплетах. Солидные, увесистые тома. Когда Ёситада был здесь в прошлый раз – меню было одно. И этаж – тоже один. А сейчас он насчитал их не менее трех, по крайней мере, именно на третьем и оказался забронированный им столик. Что же, это говорит только о том, что качество кухни и обслуживания как минимум осталось прежним.

– Горячий шоколад с мятным сиропом, пожалуйста. И ванильно-банановый коктейль.

Он проводил взглядом хостес и открыл меню. Голоден он особенно не был, но по местному рамену очень скучал. И темпуру¹⁴ из морского леща следует заказать обязательно. Ёситада отметил это блюдо в меню и внезапно рассмеялся. Когда-то в доме Токугава его было запрещено подавать. Именно от него, по легенде, умер Токугава Иэясу – основатель их рода и первый сёгун династии, которая правила Японией больше двухсот лет. Из-за последних событий это показалось Ёситаде забавным вдвойне.

– Ты так голоден, что думаешь о еде больше, чем обо мне?

Ёситада поднял голову и радостно улыбнулся, показав зубы. Узнал бы он Митоко, если бы встретил на улице? Нет, скорее всего, не узнал. И дело даже не в том, что ее голова и плечи были тщательно укутаны золотисто-зеленым шелковым платком, а половину лица закрывали зеркальные очки.

Когда он уезжал, Митоко была нескладным подростком, к тому же убежденным, что она – самая некрасивая девочка в мире. И у нее имелись все основания так считать. Если ему, мальчишке, рыжую шевелюру еще хоть как-то прощали, то для девочки такое было просто верхом неприличия. Особенно девочки из его семьи. Он хорошо помнил, как вырывал из ее рук ножницы, которыми она кромсала свои волосы прямо по отросшим золотистым корням, заливаясь слезами. Ведь тогда он поклялся себе, что никому не даст в обиду свою маленькую сестренку.

Как так вышло, что ближе они стали именно тогда, когда их разделило полмира?

– Если бы ты не была моей сестрой – я бы сейчас ни о чем думать не смог. И говорить не смог, застыл бы соляным столбом от восхищения.

– Почему соляным? Почему сразу не сахарным? Я люблю сладкое!

Смех Митоко был нежный и мелодичный, даже у Ёситады по спине поползли мурашки. Очевидно, что смех, как и голос, ставили профессионалы. А она тем временем легко и небрежно сбросила с головы платок, открывая волосы, и опустилась в кресло напротив. И сняла очки. Безупречный макияж только подчеркнул зелень и глубину ее глаз. Ёситада не стал сдерживать восторженного вдоха:

– Ты самая прекрасная девушка на свете!

¹⁴ Темпура – популярное блюдо японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре.

– Ты говорил то же самое, когда я была прыщавой, толстой и неуклюжей, как утка!

– Вот уж неправда! – возмутился Ёситада. – Никогда ты не была толстой!

– Ах, значит, прыщавой и неуклюжей была, да? – Митоко схватила меню и стукнула брата по голове.

– Нет! Тс-с, смотри, нам несут заказ. Выбери, что ты хочешь, я уже.

Митоко вернула книжку на стол и открыла ее.

Официантка принесла поднос, и улыбка на ее лице сменилась с дежурной на восторженную. Она приняла заказ и замялась, словно не решаясь уходить. Митоко в ответ тепло улыбнулась девушке и поднесла палец к губам:

– В следующий раз подойдите с открыткой – я вам подпишу. Но это будет наша тайна!

Официантка быстро кивнула, поклонилась и исчезла, прихватив поднос.

Митоко попробовала коктейль и довольно зажмурилась:

– М-м... ты еще не забыл...

– Конечно, – Ёситада придвинул к себе глубокую чашку с шоколадом, – ты думаешь, за каких-то пять лет что-то настолько изменилось?

– А мне кажется, что за эти пять лет прошла вечность... но, видя тебя сейчас, я понимаю – все самое главное осталось прежним. Ну как, дедушка уже взял тебя в оборот или тебе дали время хотя бы отдышаться?

– Время... да, дали, если можно так сказать... – Ёситада сложил руки перед собой и внимательно посмотрел на сестру. – Давай так. Ты сделаешь заказ, я расскажу тебе главную новость дня, а потом мы поговорим об остальном. Подходит?

– Конечно, – Митоко кивнула и снова открыла меню.

– Та-ак... я буду мисо-суп с креветкой и салат с тофу. – Она захлопнула книжку и нажала кнопку.

Официантка появилась спустя секунду – видимо, ждала поблизости. Разумеется, с открыткой, которую она протянула двумя руками. Митоко привычным движением достала из сумочки ручку, что-то написала на своей же фотографии и сделала заказ. А когда довольная официантка скрылась, подперла рукой подбородок и в свою очередь посмотрела на Ёситаду выжидающе:

– Ну, не томи.

– Так вот. Мы распечатали на биопринтере Токугаву Иэясу. – Он слегка наклонился, наблюдая, какое впечатление произведет на Митоко это заявление.

– Хм... – Митоко слегка хлопнула ладонями по столу. – То, что ты сказал, звучит, как... ну... – она нахмурилась, пытаясь подобрать аналог, – это звучит, как «мы распечатали на биопринтере Токугаву Иэясу». «Мы» – это кто? И что такое «биопринтер»?

– «Мы» – это наша семья, в лице дедушки, разумеется. Потому что это было сделано с его одобрения. У нас есть научно-исследовательский центр, занимающийся стволовыми клетками и...

– А биопринтер? – перебила его Митоко.

– Я об этом и говорю. Биопринтер – это такой прибор, при помощи которого можно «распечатать» человеческие органы. Любые органы. Именно этим занимается наш центр.

– Органы для пересадки, что ли? А-а-а... Любые? И можно вот просто взять и напечатать целого человека?!

– Да. Получается, что да. Наши ученые далеко продвинулись в своих исследованиях. Берешь стволовые клетки человека и из них выращиваешь орган. Любой – хоть почку, хоть сердце, хоть глаз. Потом их пересаживают, и у тебя снова твой родной глаз или печенька. Только новые.

– Ничего себе! – Митоко прижала руки ко рту и округлила глаза. – Слушай, братишка, это что, получается, ты мне подаришь новое тело, когда я состарюсь?

– Ну... да, конечно, если ты захочешь... наверное... – Ёситада неуверенно улыбнулся. Об этом он пока не задумывался.

– Ура! – подпрыгнула Митоко. – Тогда я закажу еще темпуру и... и коктейль с мороженым!

– Подожди торопиться, – рассмеялся Ёситада, – это пока экспериментальная технология. И я тебе еще не все рассказал.

– Ну да, – Митоко кивнула, – ты сказал «распечатали Токугаву Иэясу». Так что выходит? Он реально живой? И шевелится?

– Похоже на то... – задумчиво протянул Ёситада. – Был взят образец ДНК из сохранившихся волос. И живые стволовые клетки. Дедушка сам выступил донором. На основе этого материала создали образец, из которого Токугаву Иэясу и «распечатали». Целиком.

– А! Ясно. Они его клонировали. Так бы сразу и сказал.

– Не совсем. Это не эмбрион и не младенец. Это взрослый человек... который поехал по делам в Кумамото. Поэтому мне его покажут через неделю.

– Поехал по делам? – Митоко нахмурилась. – Как это? Подожди. Если он взрослый – он что, что-то помнит? Как это возможно? Ну то есть это настоящий Токугава Иэясу?

– Вот именно. Это самый главный вопрос. Дедушка сказал, что наши ученые разработали особую технологию. Называется «нейросинхронизация». Токугава Иэясу стал после смерти ками, Тосё Дайгонгэном¹⁵. И его душа таким образом сохранилась. И память. Вот эту душу и «вселили» в новое тело, «записав» информацию в клетки мозга. По крайней мере, я понял так.

– Звучит как полная чушь. Душа? Ками? По-моему, дедушка тебя разыграл. Или это ты разыгрываешь меня? Когда ты говорил про биопринтер и стволовые клетки, все звучало очень правдоподобно! Ёситада!

Ёситада вздохнул:

– Нет, к сожалению, я тебя не разыгрываю. И не думаю, что меня разыграл дедушка. Но с его любовью ко всем новейшим технологиям... это делает его чересчур доверчивым.

– Хм. Ты думаешь, его обманывают? И под видом «нашего предка» подсунули актера? А зачем?

– Как это зачем? Деньги, Митоко. Средства, которые выделяются на развитие именно этого направления. Ты же понимаешь – по сути, ему объявили, что раскрыли секрет бессмертия. – Он замолчал, давая время подошедшей официантке расставить на столике заказ.

– Ты... ты собираешься с этим разобраться, так? – Митоко пощелкала палочками и принялась за салат. Ёситада посмотрел вслед удаляющейся официантке.

– Ты не боишься, что она сейчас всем о тебе разболтает и через пять минут сюда налетит толпа журналистов?

– Да их здесь и так полно, – рассмеялась Митоко и тут же прикрыла ладонью рот, – они скрываются и тайно фотографируют. Ты что! Я же с мужчиной! Наедине! Да еще с таким необычным красавчиком. Будет грандиознейший скандал – они же не хотят ничего упустить.

Ёситада нахмурился:

– А у тебя не будет проблем? С продюсером и контрактами?

Митоко пожала плечами:

– Конечно, нет. Он же сам себе не враг. Скандал пойдет только на пользу: поднимется ажиотаж, фанаты будут закатывать истерики... а потом рыдать и просить прощения за то, что «посмели во мне усомниться», когда я сообщу официально, что встречалась с братом, которого не видела пять лет. – Она снова рассмеялась красивым мелодичным смехом.

¹⁵ Тосё Дайгонгэн – посмертное имя Токугавы Иэясу, признанного японцами ками.

Сандер поморщился и попытался задернуть штору, не открывая глаз. Это не удалось – солнечный луч не пропал, просто переместился и жарил теперь левую щеку.

– М-м... – Он помотал головой и стянул одеяло. Потом потянулся, сел и открыл глаза.

Было душно: Сандер терпеть не мог кондиционеры, поэтому в своей комнате всегда отрубал «климат-контроль». Он протянул руку в слишком широкую щель между шторами, нащупал ручку и открыл окно. Свежий утренний воздух ворвался в комнату, слегка колыхнув плотную ткань. Стало значительно легче. И, на мгновение зажмурившись, Сандер таки отодвинул штору и высунулся в открытое окно.

Сундук, дремавший на крыше своей будки, видимо, услышал его, повернул голову, приоткрыл глаза и фыркнул. И слегка заворчал. Был недоволен, что его разбудили в такую рань. Сандер улыбнулся – старый алабай радовался, как щенок, когда они с семьей на лето перебирались в Комарово. Такое раздолье: просторный двор – бегай не хочу, соседские коты, лупающие глазами с высокого кирпичного забора. Нет, Сундук на них не лаял, вот еще. Он приличный, воспитанный пес. Но ворчал и смотрел с неодобрением. Как и на наглых воробьев и синиц, пытавшихся клевать корм из его миски.

Впрочем, сейчас он уже не бегал, почти все время лежал на солнышке и грел старые кости: шестнадцать лет для собаки – весьма почтенный возраст.

А Сандер помнил еще, как мама с отцом ругались из-за щенка. Мама хотела назвать его Хосе, а отец настаивал на Гранде – так звали какую-то лошадь из фильма. А получился в результате Сундук. Смешной, неповоротливый щен, готовый «сложить в себя» все, что хоть отдаленно напоминало еду.

Стоило Сандеру только подумать про еду, как хвост мирно дремавшего Сундука застучал по крыше.

– Щас! – негромко сказал в окно Сандер, встал и пошлепал босиком на кухню. Благо его комната была напротив. Взял с полки заботливо вымытую мамой огромную миску с надписью «Happу Dog» и вытащил с нижней полки большой пакет с кормом. Насыпав еды, он открыл ногой дверь и, пройдя через бесконечную веранду, вышел, в конце концов, на крыльцо.

Сундук уже крутился у ступенек, радостно виляя хвостом. Его отменный аппетит намекал на то, что умирать от старости пес в ближайшее время не собирается. Однако отец уже заговаривал о «смене» и ждал только приезда Сандера, чтобы вместе выбрать щенка. Старик Сундук еще должен успеть воспитать «наследника».

«Бз-з-з», – сказал с подоконника телефон. Сандер потянулся и достал его, включая экран. Сообщение с «Фейсбука». Ёситада. Сандер усмехнулся. Типично японская вежливость – написать только тогда, когда видишь человека онлайн. Чтобы ненароком не разбудить. А что первым делом делает любой человек, когда просыпается? Правильно, включает телефон и смотрит время.

Ну или Ёситада просто хорошо изучил его привычки. Сандер остановился посреди двора и, прикрыв экран от солнца рукой, открыл сообщение:

##

– Доброе утро. Скажи, только честно, ты веришь в то, что у человека есть душа? Настоящая душа, которая сохраняется после смерти тела?

Сандер от неожиданности почесал ухо. Двинулся спиной к широким качелям, висящим на четырех цепях под заплетенной плющом деревянной крышей, и, не глядя, плюхнулся на них.

Sander

– И тебе добрый день. Ты ж у нас буддист, чего у меня-то спрашиваешь?

##

– Ты понимаешь... Вера – это вера. А я тебя с научной точки зрения спрашиваю. Если так можно выразиться. Что-то конкретное, что действительно можно как-то измерить и «пощупать». Чтобы можно было точно убедиться, что это на самом деле существует. И что это личность человека, а не просто «некое энергетическое поле».

Sander

– Слушай, у меня восемь утра, а ты мне тут про душу. С научной точки зрения. Понятия не имею. Думаю, есть что-то. Даже уверен, что есть. Но вот можно ли измерить... Не думаю, что ученые до этого уже дошли. Но дойдут. Раз что-то существует, значит умные дяди до этого доберутся и разберут на фотоны или волны. Или из чего там состоит душа;)

##

– Может, и так. Я в некоторой растерянности. Сандер, а как бы ты отреагировал, если бы тебе предложили поговорить со своим предком? По-настоящему поговорить?

Sander

– Спиритический сеанс, что ли?;))))))

##

– Если бы... тогда бы это была просто забавная игра. Нет. Речь идет именно о науке. И о древнейших традициях нашего рода. Извини, я не могу пока сказать тебе больше. И ты прав, это имеет прямое отношение к религии. Только не к буддизму, скорее – к синтоизму. Поэтому все очень и очень не просто. И все-таки? Как бы ты отнесся, если бы тебе предложили поговорить с твоим прапрадедушкой?

Sander

– А тебе предложили? О_о... Без обид;) Все, не спрашиваю, тайна – значит, тайна. Я бы пошел. На месте бы разобрался, что там за «дедушка». У нас тут одно время был бум на экстрасенсов. Все кому не лень с предками и духами рода общались. Ну а уж ты легко выведешь мошенника на чистую воду, сам знаешь.

##

– Да, ты прав, огромное спасибо за поддержку.

Sander

– Я прямо вижу, как ты там телефону кланяешься;)))))) О, кстати, постой... о предках... я сейчас!

Мысль, которая беспокоила Сандера несколько дней после бурного отдыха на ладожской базе, наконец оформилась окончательно. Он забежал в дом, влетел в гостиную и снял с полки над камином шкатулку с японским ножом. Тем самым, который вручил ему отец в день приезда. Вытащив, он положил нож на стол и сделал несколько фото. Потом извлек из ножен и сфотографировал еще раз. И отправил Ёситаде.

Sander

– Во, гляди. Это же японский нож, да? Ты можешь хотя бы примерно сказать, кому он мог принадлежать? Какому роду?

##

– Этот танто? Совершенно не имею понятия. Но это не новодел, можешь не сомневаться. Приблизительно, позднее Эдо, лет двести ему точно есть.

Sander

– Да нет. Мне не это нужно. Ну вот смотри. Тут, видишь, на навершии значок такой? Ну, как три головастика по кругу? Это же чей-то герб, да?

##

–)))) Головастики! Это знак, символизирующий воду. Очень распространенный – его можно увидеть и на боевых нобори¹⁶, и на фонарях бродячего театра. Очень многофункциональный символ. Так что, если ты хочешь узнать, кому именно принадлежала эта вещь, – по одному такому значку не получится. Нужен хороший эксперт. А зачем тебе? Или это тоже семейная тайна?)

Sander

– Нет, не тайна, скорее легенда. Вроде как моему прапрадедушке его подарил один японец. Во время Русско-японской войны. Точнее – как подарил? Этим ножом тот японец сделал харакири, а нож как бы оставил моему предку в награду за то, что тот ему это сделать разрешил и обещал отправить письмо в Японию его жене и детям. Это я к чему? Раз были дети, значит, может, и сейчас кто из потомков живой? Вот подумал, что хорошо бы его найти. И вернуть наследие и память о его прапрадедушке, погибшем в русском плену.

##

– О... Сандер, мое восхищение. Я никогда не сомневался в твоём благородстве. Это очень, очень достойное желание. Хотя исполнить его будет не просто. А имя? Имя этого японца ты знаешь?

Sander

– Нет, но могу у отца спросить. Вдруг ему рассказывали.

##

– Отлично. Узнай, а я найду в архивах имена попавших в плен во время той войны. Только узнай еще, где именно он был в плену – может оказаться много людей с одинаковыми именами. Но, Сандер, ты отлично придумал. Когда найдем семью этого человека – приезжай в Японию. Мы пригласим телевидение, и все узнают эту историю.

Sander

– О, это замечательная идея. А не отправиться ли мне в Японию?..

Сандер сам не заметил, как снова вышел во двор, сел на качели и стал раскачиваться. Утро было невероятно продуктивным на идеи.

...А и правда? Почему не Япония? Уехать и реализовать себя на этих загадочных островах, по сути, в другом, чужом мире! Сандер прекрасно понимал, что тут ему отец свободы все равно не даст. Даже если Сандер устроится грузчиком в «Пятерочку» – отец немедленно позвонит директору и договорится обо всем: от премий до повышения. Сандер не мог осуждать отца за это: понимал, как тяжело тот шел к успеху. И сам Сандер стал бы подвергать своих детей

¹⁶ Нобори – высокий и узкий вертикально расположенный флаг для обозначения подразделений армии.

риску и трудностям? Когда у него будут дети? Этого он не знал. Но четко знал одно – он хотел гораздо большего. Сандер не знал, что означает это «большее» – наверное, примерно «все».

Он рассмеялся своим мыслям. Глупости. Он не маленький мальчик и понимает, чего он хочет и чего боится. Хочет он приключений и яркой жизни. А не хочет сидеть в душном офисе под фальшивым ветерком и перебирать бумажки одной рукой, держа четыре телефона в другой. Он снова глянул на экран.

##

– Прямо сейчас? Отличная идея! Я покажу тебе все бары в Эдогаве!)))
У меня есть немного времени, мне еще нужно войти в курс дел компании, так что бывают свободные вечера. О... подожди, а ты? Тебе тоже дали время разобраться? Ты хочешь потратить его на отдых в Японии?..

Sander

– Ёситада, я же рассказывал тебе. Все рассказывал.

##

– Извини. Я думал, вы с отцом поругались. И что ты просто будешь стартовать с самых низов компании, чтобы честно сделать в ней карьеру. Это очень достойно уважения, Сандер!

Sander

– Ты не понимаешь. Отец не даст мне сделать карьеру честно. Я вот подумал. Я не отдыхать поеду в Японию. А работать. Строить свой бизнес. Как тебе?

##

– Свой бизнес? Здесь? Ты уверен? В Японии свои правила, и тебе придется их изучить.

Sander

– Ты ведь pomoжешь мне с этим? И потом, ты что, сомневаешься во мне? Ты же видел, как у меня отлично получалось в Америке! Ты же помнишь?

##

– Как я изображал якудзу? О, ты думаешь: об этом можно забыть? Это было самое невероятное приключение в моей жизни, Сандер.

Sander

– Это сейчас было похоже на сарказм.

##

– Вовсе нет. Эх, Сандер, мои приключения закончились. Теперь меня ждут бесконечные заседания, согласования и подписания. Самым интересным будут пьянки, сопровождающие заключение очередного договора. Возможно, я даже залезу на улице на фонарь, и об этом напишут все токийские газеты. Но не сомневайся, приезжай. Я помогу тебе на первых порах. Приму тебя в одно из отделений нашей компании специалистом по завершению рабочего дня.

Sander

– Э... Кем?

##

– Специалистом по завершению рабочего дня. Это человек, который в конце рабочего дня следит за тем, чтобы все вовремя собрались и покинули рабочие места.

Sander

– Я что-то не понял. Ты мне что же, предлагаешь должность «выгоняльщика домой»? Так, что ли?!

##

– Да, так. Это очень важная и ответственная должность. Надо уговорить сотрудников собраться и уйти домой. Японцы относятся к такому человеку не очень серьезно. Точнее, его не особенно слушаются и продолжают сидеть. Но, я думаю, если их будет прогонять с работы высокий русский блондин – эффект будет невероятным.

Sander

– Вот чего я никогда не мог угадать – так это когда ты начинаешь шутить...

##

– Потому что я всегда серьезен, Сандер. Ты не представляешь, насколько я серьезен сейчас. Кароси – национальная проблема. И я как раз разрабатываю проект по решению этого вопроса в нашей компании. С кароси у нас идет настоящая война. Компания, допустившая такое, подвергается осуждению, что очень вредит ее репутации. А если удастся доказать, что произошедшее на самом деле кароси, то она еще и несет серьезные финансовые потери в виде штрафов и выплат семье погибшего.

Sander

– Друг мой... А не мог бы ты снова перейти на английский? Я не настолько хорошо знаю твой язык. Что такое «кароси»?

##

– А, извини. Это смерть от переутомления, от усталости. Дело в том, что японцы очень перерабатывают. Остаются работать сверхурочно, не уходят в отпуск, ночуют на работе. Это мало того что пагубно сказывается на здоровье человека, но и отражается на качестве самой работы. Но японцы считают, что работать до изнеможения почетно и достойно уважения. Причем, увы, к качеству работы это имеет крайне малое отношение. Поэтому я сейчас занят разработкой проекта по оптимизации работы нашей компании. Так что ты как нельзя лучше вписываешься в этот проект. Нанять красивого блондина иностранца – мне кажется, это будет очень необычным и продуктивным решением.

Sander

– Ёситада... не говори мне, что и сейчас ты серьезен...

##

– Сандер. Мой дорогой друг. Я был полностью серьезен тогда, в Маленьком Токио. Более того, я был серьезен, даже когда изображал звезду

джей-рока, чтобы проникнуть на закрытую вечеринку, где предполагались Джим Керри и Николь Кидман. Почему же ты считаешь, что я сейчас шучу?

Sander

– Потому что... а, проехали. Кстати, вот что. Все время забываю тебя спросить. В Маленьком Токио... Что ты сказал тем татуированным жиртрестам? Я в то время еще очень плохо знал японский, помнишь? Путал «столовую» и «домашнее задание». Я разобрал только твою фамилию и слово «якудза».

##

– Ты уверен, что хочешь узнать об этом сейчас, спустя столько времени?

Sander

– Конечно! Ты ужасно их напугал – они плюхнулись прямо в грязь и принялись кланяться и извиняться! А ты только улыбался. Скажи уж!

##

– Я боюсь, что это может обидеть тебя и твою семью.

Sander

– Что? Ну-ка, говори, обещаю: не буду обижаться!

##

– Я представился и сказал, что я прямой потомок сёгунов. А ты сын известного русского якудзы. И если они извинятся – мы разрешим им выбрать, какой смертью они умрут, и твой отец не тронет их семьи. Ты же знаешь, я очень не люблю врать.

Совершенно напрасно Иэясу опасался, что Киёмаса будет шуметь. Однажды, очень давно, он, еще мальчишка, проживший всю жизнь в деревне, впервые прибыл в столицу. И пораженный красотой и роскошью Киото начисто утратил дар речи. И мычал, размахивая руками, как в раннем детстве, к огромной радости брата Итимацу. Он и раньше видел замки, но даже замок Нагахана, который он считал воплощением роскоши и шедевром строительного искусства, выглядел сараем по сравнению со столичным великолепием.

И тогда он пообещал себе, что обязательно построит замок еще лучше, еще выше. Неприступный и поражающий воображение.

...Сейчас он испытывал нечто подобное. Нет, не роскошь поразила его. Величие. Величие того, что создали потомки.

Он построил замок. И не один. Грандиозный замок в Нагое, на строительство которого были собраны лучшие инженеры и где Киёмаса сам проверял каждую линию в их чертежах, осматривал едва ли не каждый камень перед укладкой. Его собственный замок, здесь, в Кумамото... он должен был стоять века – так и вышло. Да, верхние, деревянные этажи сгорели, но основа осталась нерушимой.

...И вот опять он стоял посреди улицы, смотрел вверх, захлебываясь от восторга, не в силах даже вообразить себе высоту, на которой находились окна верхних этажей. И медленно поглаживал нагретый солнцем, отполированный до зеркального блеска камень.

– Пойдем, – потянул его за рукав Иэясу, – на тебя уже смотрят люди. А это лишнее, мы говорили об этом.

– Как... как это сделано? – наконец сумел выдавить из себя Киёмаса.

– Понятия не имею, я не строитель. Пойдем же. Если ты будешь останавливаться возле каждого дома и прилипать к нему – мы никогда не дойдем до остановки. А ты ведь хотел прокатиться на самодвижущейся повозке?

Киёмаса быстро закивал и послушно побрел за Иэясу, не переставая оглядываться. Но через несколько шагов, едва не запнувшись на ровном месте, решил, что необходимо взять себя в руки. Все же он давно не тот деревенщина, каким был, и повидал в своей жизни многое – гораздо больше, чем эти странно одетые, спующие вокруг люди. Подумаешь, дома высотой с хорошую гору. И повозки, пролетающие мимо на огромной скорости. Он даже глазом не дернет, не удостоит их поворота головы! Киёмаса, придав лицу выражение отрешенности от всего мирского, гордо поднял голову и зашагал по улице.

– Бз-здзынь! – внезапно раздалось у него за спиной, будто большая куча железа рухнула на землю. Рука сама дернулась к поясу и... нащупала пустоту. Тем не менее Киёмаса, сжав кулаки, медленно и с достоинством обернулся. Прямо на него надвигалась огромная самодвижущаяся повозка. Это она издавала такой резкий пронзительный звук.

– Отойди, – громко зашептал Иэясу, – вот за эту черту отойди. Видишь рельсы? Она едет по ним.

Киёмаса отступил на пару шагов, заметив, что повозка стучит колесами по длинным стальным желобам. И нахмурился:

– Почему это я должен отходить? Почему она не остановится?!

В это время повозка замедлила ход и встала.

– Вот видишь? – рассмеялся Иэясу.

– Да! – обрадованно оскалился Киёмаса. По всей видимости, возница остановился сразу, увидев его. Просто не мог сделать это быстро на таких скользких желобах. Красивая блестящая дверь из полированного железа и стекла отъехала в сторону, и Иэясу быстро взошел по ступеням. Киёмаса последовал его примеру. И увидел, как тот достает из-под одежды маленькую лакированную пластину. На ней были нарисованы разноцветные картинки и какие-то непонятные значки. Киёмаса наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что они ему напоминают. Ну да! Точно! Это похоже на значки-буквы людей из-за моря! Датэ Масамунэ умел их рисовать и страшно этим гордился, демонстрируя свое искусство к месту и ни к месту. И в христианских книгах он видел такие же. Киёмаса с еще большим интересом уставился на пластинку. А Иэясу между тем приложил ее к желтой висящей возле двери коробке. Там что-то пискнуло. И тогда Иэясу достал еще одну такую же и протянул Киёмасе.

– Сделай так же.

Киёмаса повертел пластинку в руках, пытаясь понять, из чего она сделана. Не металл и не эмаль – это точно: слишком легкая. Лакированное дерево? Кость?

– Киёмаса...

Он помотал головой. И правда, разберется позже. Сейчас главное – понять, для чего это. Он приложил пластинку к коробочке и, услышав писк, довольно заулыбался. Похоже, что он все сделал правильно.

– Пойдем сядем, – предложил Иэясу, – или тебе удобнее стоять? Тогда держись крепче. – Он сам взялся за металлические перила.

Киёмаса тоже вцепился в них обеими руками и не пожалел. Повозка дернулась и, застучав колесами, начала набирать скорость. Киёмаса сжал зубы, быстро-быстро задышал, потом не выдержал и зажмурился.

– Проклятье, – едва слышно пробормотал он.

– Слишком быстро? Не смотри в окно пока. Привыкнешь – будет легче.

– Ну уж нет, – прошипел Киёмаса, еще плотней, до скрипа, сжал зубы и открыл глаза.

За окном на огромной скорости проносились деревья, словно влекомые ураганом. Высокие столбы, какие-то дома. Киёмаса проглотил ком тошноты, подкатывающий к горлу, и снова быстро задышал.

Ему приходилось не раз плавать на корабле. И только от большого количества сакэ он выплескивал свой обед за борт. И тут он не ударит в грязь лицом. Зажмуриться, подышать. Снова открыть глаза. Вот это скорость! Тошнота отступила на второй план, сменившись восторженной эйфорией. Он посмотрел на свои руки, лишь изредка поглядывая в окно, и ему стало гораздо легче.

– Трамвай.

– Что?

– Повозка, на которой мы едем, называется «трамвай». Тебе нужно будет запомнить это слово. И еще очень много новых слов.

– Иностраных? – криво усмехнулся Киёмаса.

– Не только. И наш язык не слишком сильно, но все же изменился. Меня долго готовили к возвращению в этот мир. Но, я уверен, ты справишься намного быстрее. Я думаю, что твоя семья тоже предоставит тебе наставника.

– Монаха? Надеюсь, он будет не из школы дзэн. Я их терпеть не могу, – Киёмаса рассмеялся, и тут «трамвай» начал замедляться и остановился.

– Нет, конечно, если это будет монах, то твоей школы. Разумеется. – Иэясу вышел из трамвая.

– Что?.. Все? – разочарованно протянул Киёмаса и пошел за ним. И тут вспомнил про пластинку, которую машинально сунул в рукав – он с детства привык так носить важные мелкие предметы. Он вышел на небольшую площадку, покрытую ровной гладкой брусчаткой, сунул руку в рукав, вытащил пластинку и поднес ее к носу Иэясу. – Это что?

– Это?.. – Иэясу наморщил лоб, потер его и поднял палец. – Это такая табличка. На ней знаки, видишь? Это буквы английского языка. Так называют хозяина этих трамваев. И не только их – у него много разных самоходных повозок, ты увидишь. Так вот. Ты покупаешь такую пластинку – и получаешь разрешение ездить на его повозках. Но только на тех, которые принадлежат ему. Это легко понять – вот такие буквы написаны или на самой повозке, или возле места, где она останавливается. Это называется «кар-та».

– О... – Киёмаса повертел пластинку, рассматривая со всех сторон. – А зачем? Можно же просто заплатить вознице.

– Киёмаса, – рассмеялся Иэясу, – ну смотри сам. Возница может украсть деньги хозяина, так? Ну и, кроме того, носить такую маленькую штуку куда удобнее, чем таскать с собой связку монет. И с картой выходит дешевле.

– Дешевле... так бы и сказал, – Киёмаса запрокинул голову и захохотал во весь голос. – Ты, небось, и пешком ходить научился, лишь бы не переплатить лишнего.

– Пешком я всегда ходить умел, – обиделся Иэясу. – Ты просто не застал времена моей юности! А сейчас – посмотри на меня. Да я с легкостью одержу над тобой победу хоть в скачках, хоть в беге. Да хоть и на копыях!

– А это мысль! Всегда мечтал помериться с тобой силами, тануки! – Киёмаса бросил руку ему на плечо. И внезапно резко зажмурил глаза: яркая вспышка ослепила его.

– Что это за хрень?.. – завопил он и, проморгавшись, открыл глаз, который пострадал меньше.

И увидел, как какой-то молодой и плохо одетый парень спешно пытается засунуть за пазуху «смартфон». Этот «смартфон» был больше, чем тот, который ему подарил Иэясу. Но Киёмаса мгновенно узнал эту вещь. Его смартфон тоже лежал в рукаве, и Киёмаса, немедленно выхватив его, кинулся за парнем.

«Этот предмет так же важен для современного человека, как меч для тебя».

Значит, эту штуку можно использовать как оружие. Почему Иэясу ему этого не сказал? Но думать времени не было. Он догнал парня, схватил за плечо и, резко развернув к себе, выхватил у него смартфон.

– Господин! – Парень молитвенно сложил перед лицом руки и попытался кланяться, настолько низко, насколько позволяла вцепившаяся в его плечо рука. – Прошу господина простить меня! Нижайше прошу! Вспышка случайно сработала! Такое ничтожное создание, как я, и в мыслях не держало вызывать гнев такого великого господина!

– Киёмаса, Киёмаса! Стой, отпусти его! – Лицо догнавшего их Иэясу было красным от гнева. – Отпусти! Мы договаривались! Много ли стоят твои слова?

– Прости... – Киёмаса смутился и отпустил парня. – Но он...

– Он извинится. И не хотел ничего плохого.

– Да! Я извинюсь еще раз! Только, пожалуйста, верните айфон!

Иэясу вздохнул:

– Встань на колени, поклонись и попроси прощения. – Он повернулся к Киёмасе и протянул руку.

Киёмаса осторожно отдал Иэясу явно очень дорогую вещь. И хотел было сказать ему, что этот бедно одетый человек не мог купить такое сам – он наверняка украл его, но в это время парень ткнулся голыми, торчащими из дыр в штанах коленками в землю и низко наклонился, опираясь на руки, и заголосил:

– Великий господин! Примите мои глубочайшие извинения! За мой ужасный поступок! – Закончив эту тираду, парень повернул голову в сторону Иэясу и снова молитвенно сложил руки. – Сфотайте нас! Очень вас прошу! Я сейчас еще раз извинюсь, а вы нас сфотайте, ладно?

Иэясу усмехнулся и поднял смартфон парня к своему лицу. Парень радостно заулыбался и опять припал лбом к гладким плитам.

И Киёмаса снова увидел молнию. Она сверкнула в верхней части смартфона, и на этот раз не ослепила его – просто перед глазами появилось яркое пятно. А парень вскочил, забрал смартфон у Иэясу и, быстро поклонившись и пробормотав «спасибо, большое спасибо», скрылся за углом дома.

– Что это все значит? Этот оборванец...

– Постой, Киёмаса... Я тебе сейчас все объясню. – Иэясу поднял руку. – Помнишь, я показывал тебе, как обращаться со смартфоном и для чего он нужен?

Киёмаса помнил. С первым подарком Иэясу он разобрался очень быстро. Там было достаточно просто тыкать пальцем в разные цифры, и от этого менялась картинка на экране. Смартфон оказался сложнее. Здесь пришлось запомнить последовательность нажатия маленьких картинок, прежде чем появлялось то, что нужно, – картинка с лицом Иэясу. И тогда, нажав на нее, можно было на любом расстоянии увидеть его самого и услышать его голос. Поэтому Киёмаса поднял свой смартфон и кивнул:

– Но ты не сказал, что его можно использовать как оружие.

– Его нельзя использовать как оружие.

– Да? А это, по-твоему, не молния была? Разве этот человек не хотел меня ослепить? А потом... я думаю, это вор, Иэясу. Он хотел ограбить меня!

– Киёмаса... – Иэясу закатил глаза, – этот человек вовсе не вор. Он хотел всего лишь сделать твою фотографию.

– Сделать мою... что?.. – Киёмаса нахмурился. – Иэясу, мне так никакой головы не хватит – вместить новые слова!

– Вот что. – Иэясу поднял повыше свой смартфон и спустя секунду повернул его экраном к Киёмасе. – Проще показать... смотри. Это ты.

Киёмаса наклонился. И правда – это был он. Такой, каким видел буквально утром себя в отличном зеркале в ванной. Картинка была такая же яркая и точная, как и те, движущиеся.

Только неподвижная. Киёмаса провел по экрану пальцем. Картинка исчезла. Он удивленно поднял голову:

– Э?..

Иэясу тоже провел пальцем по экрану. Картинка вернулась назад.

– Этот человек увидел тебя и так был впечатлен встречей с тобой, что решил сохранить память о ней.

– Да?.. Иэясу, ты хочешь сказать, что этот человек меня узнал? Но как?

– Киёмаса! Очнись, это твой город! Здесь все тебя знают! Да сам посмотри! – Иэясу махнул рукой.

Киёмаса огляделся по сторонам. И заметил, что у большинства проходящих мимо людей в руках смартфоны. А некоторые, совершенно не скрываясь, поворачивают их в его сторону. И ему стало стыдно, что он так напугал горожанина. Конечно, тот настолько ошалел от радости, что забыл, как подобающе себя вести. Это простительно. Киёмаса выпрямился, улыбнулся, сжал руку в кулак и поднял над головой. Пусть все видят, что его не стоит бояться и что он не против того, чтобы они «сделали фотографии».

– ...Кого я обманываю, – пробормотал у него за спиной Иэясу, – тебя нужно срочно переодеть.

Глава 4. Все любят аниме

Сосед по комнате Сандеру не понравился сразу. Слишком аккуратный. Слишком чистый. Слишком вежливый.

Слишком фальшивый.

Сандера с души воротило, когда противный япошка заходил в комнату, извинялся за беспокойство и, более не обращая на него никакого внимания, переодевался, вешал в шкаф безукоризненный пиджак и тщательно отутюженные брюки, разворачивал свой ужин, упакованный в дешевый, мерзко шуршащий бумажный пакет, и садился есть за маленький столик у окна. Пока он ел – молча пялился в телефон.

Сначала Сандер решил, что японец бедный. Из тех студентов, что поступили бесплатно и пользуются льготами как малоимущие: еду он покупал в супермаркетах, которые принято именовать «бюджетными». Иногда брал готовую, иногда делал себе сэндвичи из обычного хлеба для тостов. Несколько раз Сандер замечал его в столовой – тот выбирал в меню самый дешевый суп и не забывал бесплатную булочку. Ни в какие бары или другие увеселительные заведения его сосед по комнате никогда не ходил. Каждый раз, когда Сандер видел его, тот или ел, или спал, или занимался.

Да, этот парень сидел над учебниками сутками. Сандер даже в выходные, приползая из очередного ночного клуба, утыкался взглядом в его согнувшуюся над столом спину. И изо всех сил сдерживал желание врезать по ней чем-нибудь или выдернуть стул. Останавливало его лишь то, что япошка наверняка и в этом случае извинится.

От этих бесконечных «соррей» Сандера уже трясло. Он слышал это слово чаще, чем любое другое, да что там говорить – за почти пять месяцев «совместной жизни» сосед не удостоил его и десятком слов.

...И вот это, именно это и бесило. Бесконечный презрительный снобизм Токугавы Ёситады.

Проклятие, Сандер почти месяц был уверен, что японца зовут Токугава, ведь тот, когда представлялся, не потрудились объяснить, что по японским правилам первой идет фамилия, а затем – имя. По его мнению, это было очевидно всем, кроме русского студента-идиота.

Сандер быстро себя поставил так, что его начали уважать сокурсники. Учился он хорошо, несмотря на регулярные гулянки по выходным, и успел даже стать заводилой нескольких традиционных студенческих развлечений.

В которых Токугава Ёситада не участвовал никогда. «Извините меня, мне нужно заниматься».

Казалось бы, обычный ботаник. Учеба в Гарварде – огромная честь для такого, и держаться за удачу следует любой ценой. Так и старался себя успокаивать Сандер, вздыхая лишь, что не повезло с соседом по комнате. Сменить его было нельзя: ничего, чем можно было бы мотивировать желание избавиться от него, не было. Не писать же в жалобе «слишком вежливый и много занимается».

Все испортил смартфон Токугавы. Не разбирающийся в японских марках телефонов Сандер не обращал на него особого внимания, пока, видимо, из-за совместного пользования вай-фаем на его собственный ноутбук не пришла реклама каких-то примочек для этого гаджета. Сандер погуглил его и даже икнул от удивления. Это была последняя модель «Фуджицу». И стоила такая игрушка почти две тысячи долларов – как-то очень, очень чересчур для «поступившего на бюджет бедного задрота».

У самого Сандера был «Самсунг» баксов за пятьсот. Ему хватало.

...Этот Токугава и правда был фальшивый насквозь, чутье Сандера не обмануло. Но гадать и наблюдать Сандер не особенно любил. Поэтому, когда сосед вечером вернулся с

бумажным пакетом, на котором красовался логотип очередного дискаунтера, Сандер не выдержал и задал ему вопрос в лоб. Почему он ведет себя как нищий студент, почему не участвует в вечеринках, почему не желает ни с кем общаться?

«Я не хочу тратить деньги своей семьи. И плохо знаю английский язык», – такой ответ получил Сандер. Причем произнесенный почти без малейшего акцента.

Парень оказался законченным снобом. К тому же презирающим Сандера за то, что он учится и гуляет на деньги отца.

Больше они не разговаривали. Ровно до того самого вечера.

Студенты и их развлечения – это, безусловно, было очень весело. Но Сандеру хотелось настоящих приключений. И искать их стоило подальше от стен родного университета.

И однажды наступил такой день, когда Сандер их для себя нашел в полной мере. Уик-энд вышел не очень удачный – Уильям, который обещал показать «отпадное местечко», внезапно свалился с лестницы и сломал руку. А первый же бар, который Сандер нашел на карте, оказался баром трансвеститов. Это не помешало Сандеру пропустить там несколько коктейлей и двинуться в следующий. А потом в еще один. А вот последний из баров – точнее, не бар и не клуб, скорее, бильярдная в подвале – оказался «расово неверным». И все бы обошлось, если бы охрана просто дала пинка пьяному русскому студенту, но нет. Крепкие смуглые ребята в татуировках обступили его и потребовали «заплатить за право находиться на их территории».

В эти игры Сандер умел играть с детства. Поэтому ничуть не растерялся, а, наоборот, радостно оскалившись, завопил на всю бильярдную:

– Парни, я русский! У меня дохрена денег! Бармен, горящие шоты всем моим новым друзьям!

Его поддержали свистом. А когда бармен принес первый поднос и под вопли восторга поджег все шоты одной горелкой – Сандер, убедившись, что стоит спиной к выходу, толкнул столик от себя.

Всполох пламени осветил зал. И тут же полыхнуло все, что могло гореть. Охранник, схватив огнетушитель, бросился к эпицентру, а Сандер так же спешно его покинул. И отдышался только на углу двух пересекающихся улиц. Поймал первое попавшееся такси и уже через час ввалился в комнату, пропахший ромом и дымом.

Токугава повернулся, сказал: «Добрый вечер» – и стал собирать учебники. Правильно, Сандер пришел – можно ложиться спать.

...Вероятнее всего, Сандер прокололся с такси. Ему не следовало сообщать таксисту адрес, нужно было попросить посадить его где-нибудь в одном из ближайших районов, не связанных напрямую с университетом.

На самом деле не важно было, как именно его нашли. Но в тот вечер, спустя почти неделю после эпичного поджога бильярдной, Сандер, двигаясь через парк к своему общежитию, увидел, как навстречу ему на дорожку вышли двое. Один держал в руках биту, а другой помахивал ремнем с весьма тяжелой пряжкой – видимо, эмблемой их мотобанды. Или что там было у них.

Сандер не стал долго раздумывать – кинулся вперед, метя в горло парню с битой. Бинго! Ему удалось ошеломить противника и даже выхватить у того из рук биту, но триумф был коротким. Спустя мгновение он ощутил сильный удар под колено, нога подкосилась, и он, падая на землю, заметил еще двоих. И тут же получил удар пряжкой по спине. Едва успел выставить биту, прикрывая голову, но тяжелый ботинок впечатался ему в живот.

«Бежать, нужно бежать». Сандер закричал в надежде привлечь внимание кого-то из проходящих мимо, но было поздно и большинство студентов сидели по своим комнатам. Это ему приспичило поужинать в пиццерии. Черт. Не нужно было жрать столько пиццы, сейчас она вся полезет наружу.

Сандеру внезапно стало смешно.

– Эй, ты че лыбишься? Помнишь нас, хренов пиroman?

Сандер не ответил: он снова попытался закричать. И крик захлебнулся от удара битой в грудь.

«Убьют или просто покалечат?»

Сандер постарался откатиться, но его окружили и пинали со всех сторон. Чудом увернувшись от очередного удара по почкам, он попытался вскочить на ноги, но успел только подняться на колени.

И увидел на дорожке под фонарем Токугаву. Тот остановился, едва взглянув на происходящее, и двинулся было дальше, когда Сандер, опираясь на руки, заорал:

– Эй, косоглазый! Помоги!

Именно злость на безучастность японца придала ему сил. Он все-таки вскочил на ноги и кинулся на одного из стоящих байкеров. Но тот, словно по какому-то волшебству, отлетел в сторону, выронив биту. Сандер подхватил ее и только после этого огляделся. Рядом стоял Токугава. Почему-то без пиджака. Один миг – и тот развернулся, а очередной нападающий, сжимая в кулаке обломок биты, тоже оказался на земле.

– Уходим? – Сандер попытался схватить японца за плечо, но тот как будто растворился в воздухе. И до него долетело только:

– Нет. Их надо добить. Иначе вернуться.

Сандер кивнул.

– Эти двое – мои! – закричал он. Перехватил поудобнее биту и кинулся на того, кто врезал ему пряжкой.

Когда последний из ублюдков скрылся в темноте, Сандер, отдышавшись, поискал глазами Токугаву. А тот совершенно спокойно снимал с ограды аккуратно повешенный на нее пиджак.

– Ты... ниндзя, что ли?

– Нет. Я занимаюсь кудо с пяти лет. И кендо с восьми.

– Ясно. Я знаю дзюдо, тхэквандо, айкидо и еще много страшных слов, – усмехнулся Сандер, – а таких и не знаю.

Он закашлялся и схватился за живот.

– Сам дойдешь? – поинтересовался его неожиданный спаситель. – Я могу вызвать скорую.

– Дойду. Не нужно. Еще полиции не хватало.

До общежития они добрались быстро, благо оно находилось рядом. И уже там, умывшись и в безопасности комнаты, Сандер задал самый главный вопрос:

– Почему ты мне помог? Я максимум надеялся – полицию вызовешь или охрану кампуса.

– Ты попросил. А я мог помочь. – Токугава вытер лицо и положил полотенце к грязным вещам.

И Сандер увидел, что глаз, вокруг которого расцветал хороший синяк, – не карий и не черный. Он зеленый.

Поймав его взгляд, японец обернулся к зеркалу:

– А... черт. Линзу потерял.

Сандер только вздохнул. Было ли в этом парне хоть что-то настоящее?

– Так. Та-ак... – Отец постучал костяшками пальцев по столу из темного толстого стекла и медленно затушил окуроч в круглой фаянсовой пепельнице, на которой плясал веселый скелет с повязкой на одном глазу.

Сандер помахал рукой, отгоняя от лица дым, и пожал плечами.

– Еще раз. Ты хочешь отдать семейную реликвию, которая передается в нашей семье из поколения в поколение, от отца к сыну, какому-то неизвестному тебе японцу, которого ты еще думаешь разыскать?.. Я... все правильно понял? Да, Сань? – Отец потянулся к пачке, но, передумав, отдернул руку и потер подбородок.

Сандер кивнул:

– Почти. Я хочу найти потомков того человека и передать им этот нож в торжественной обстановке. Я еду в Японию не только за этим. Я собираюсь заняться там собственным делом. Открыть свой бизнес.

Отец все-таки вытянул из пачки сигарету и защелкал зажигалкой, золотой «Зиппо», подаренной ему в те давние времена, когда сверкнуть такой игрушкой было важным показателем статуса. Отец берег зажигалку, не потерял ее, впрочем, он очень бережно относился к вещам.

В том числе и к семейным реликвиям. Сандер понимал, что разговор будет не простым. И вздохнул:

– Пап... Разве ты не отдал эту вещь мне? Разве не волен я распоряжаться подарком? Ведь ты меня сам с детства учил: что мое, то мое. И я могу делать с этим все, что захочу.

Отец медленно затянулся и встал. Обошел стол, наклонился над креслом, в котором сидел Сандер, и выдохнул струю дыма ему прямо в лицо.

– Саня... я тебе сейчас зубы выбью, – ласковым голосом произнес он.

– Пап... – Сандер закашлялся и слегка отодвинулся в сторону.

– «Пап»? «Пап»?! Что – «пап»? – Отец внезапно сорвался на крик: – Ты смеешь сравнивать шмотки, игрушки и все эти приبلуды, – он ткнул пальцем в смартфон, торчащий из кармана рубашки Сандера, – с семейной реликвией?! Ты Одоевский! «Эта вещь», как ты выразился, принадлежит не только тебе! Она принадлежит твоему сыну! И твоему внуку!

Сандер выдохнул и закатил глаза.

– А если я чайлдфри? Или вообще гей?

Отец заревел, схватил кресло за подлокотник и швырнул вбок. Сандер выкатился из него на пол, но тут же вскочил на ноги. И посмотрел на отца из-под растрепавшейся челки.

– Давай не будем драться в доме. Мама нас обоих закопает.

– Хорошо, хорошо... правильно. Не будем. Никто не будет драться. Хорошо, замечательно. – Отец провел ладонью по лицу и затоптал сигарету, которую выронил ранее. И снова медленно опустился в кресло. – Вот что. Ты прав. Ты полностью прав. Это твоя жизнь. И твой нож. Можешь его продать с аукциона. Можешь выкинуть в помойку. И обручальное кольцо твоей матери ты можешь надеть на палец шлюхе, педикю или засунуть себе в задницу. Но запомни. Если ты переступишь порог этого дома – ты больше не получишь от меня ни копейки. Ни на что. Ясно? И все, что ты от меня вообще будешь получать, – это зарплату. Которую я буду тебе выплачивать. И все. Ты понял? И работать ты будешь как миленький. Или иди офис-менеджером в ООО «Застроим всё». Зарабатывай себе деньги... на бизнес в Японии. И снимай конуру в Колпине.

Именно этого Сандер и ждал. Он засунул руку в задний карман джинсов и вытащил оттуда сложенные вчетверо листки. И бросил их на стол перед отцом.

– Что это?

– А ты посмотри.

Отец развернул бумаги и, нахмурившись, начал читать. Отложил одну, принялся за вторую. И брови его все больше сдвигались к переносице.

– Это что? Что это значит?!

– Это выписки с моих счетов, папа. Вот на этот ты переводил мне деньги. Хочешь – можешь забрать их обратно. А это – то, что я заработал в Америке. У меня и моих друзей был там небольшой бизнес – сеть кафе. Перед выпуском мы все продали, а деньги поделили между собой. Так что у меня есть на что жить, папа, не волнуйся. И на что открывать свое дело в Японии.

Отец отложил листки и открыл рот. Закрыл. На его лице отразилась крайняя растерянность. Потом оно стало багровым, и Сандер похолодел и дернулся было к отцу. Сердце у того было хорошее, но все же он не молод. Но внезапно из глаз отца потекли слезы.

– Саня... Санечка... – Отец всхлипнул и закрыл лицо дрожащими руками.

– Ну ты че... ну чего... – Сандер бросился к нему и схватил за плечо. Отец отнял от лица руки, обхватил Сандера за запястье и прижал его ладонь к груди.

– Санечка... сынок... – как заведенный, повторял он.

Андрюха похлопал папкой меню по большому деревянному столу, привлекая внимание официанта. Темнело, за широким окном можно было разглядеть разгорающиеся огни Дворцового моста, и Сандер почему-то не сводил с них глаз. Скучал? Или, наоборот, заранее ностальгировал перед отъездом? Или все вместе? Он помотал головой. Вернуться всегда успеет.

– Лагер и мясную тарелку, пожалуйста, – обратился к официанту Андрюха. Тот наклонил голову в знак того, что принял заказ, и повернулся к Сандеру:

– Вы уже выбрали?

– А? Да-да... – Сандер взял в руки меню. – Котлеты из щуки и бехеровки пятьдесят... нет, давайте сразу сто. И облепиховый чай.

Официант снова кивнул и удалился.

Андрюха ткнул его в плечо и приблизился почти вплотную:

– Нет, серьезно? Твой батя плакал? В жизни бы не поверил!

– Да... Санечка совсем большой, и все такое... а, брось, не стоит это обсуждать.

Сандер внезапно почувствовал себя неловко. Словно разговаривал не со старым другом детства, а с посторонним человеком, случайным знакомым. Или эта тема действительно была настолько личной, что даже Андрюхе этого рассказывать не стоило.

Но нет. Это был его друг и брат – Андрюха. Скользнув по товарищу глазами, Андрей сам смутился не меньше, чем Сандер, и отвел взгляд.

– Так это... кафе, – немедленно перевел он тему, – как это вы так крутанулись? Чего, в Америке без вас мало кафе?

– Хм... – Сандер криво ухмыльнулся, – это были не простые кафе, понимаешь?

– А-а-а, – гоготнул Андрюха и подмигнул, – понял. С девочками, да?

– С девочками, с девочками. Только не с теми, о которых ты подумал.

– О... а с какими? Малолетками, что ли?..

– В точку!

– О-о... – Андрюха закричал и поморщился. – Ну... э-э... Это, наверное... ну, очень рискованно, да.

Сандер расхохотался:

– Да нет. Это не такие малолетки, точнее... ну, в общем, ты что-нибудь слышал про мэйд-кафе?

– Нет...

– Короче, слушай. – Сандер хлопнул себя ладонью по колену. – Это такое кафе, где тебя обслуживают девочки в костюмах анимешных школьниц. Ну такие, лоли¹⁷. Изображают девочек, соответственно себя ведут. Играют с мужиками в детские игры, улыбаются и хихикают. Лапать – нельзя, они же девочки! Азиатки подходят лучше всего. Они маленькие, и по ним совершенно непонятно, сколько им лет – то ли четырнадцать, то ли тридцать. У нас как раз в основном азиатки и работали.

– Ага. То есть все-таки бар для педофилов, ага? – Андрюха хмыкнул.

– Ну нет, все не так.

– А как?

Сандер откинулся на спинку диванчика, пока подошедший официант расставлял по столу заказ, а когда тот ушел, наклонился над столом, поближе к Андрюхиной голове, и заговорщицки подмигнул:

¹⁷ Лоли – сокращение от японского термина Лоликон, имеющего отсылку к роману В. Набокова «Лолита».

– А так. Понимаешь, все любят аниме.

Входная дверь с шумом распахнулась. Ёситада слегка вздрогнул, но оборачиваться не стал. Возможно, Сандер что-то забыл – заберет и уйдет. Такое часто случалось. Не то чтобы его друг был рассеянным – просто у него планы нередко менялись настолько молниеносно и, чтобы их воплотить, требовался уже другой набор вещей.

– Ёситада!

Он обернулся. Нет, похоже, Сандер ничего не собирался брать. Наоборот, принес. На его плече красовалась длинная картонная коробка, которую тот придерживал рукой. Несмотря на эту предосторожность, коробка все равно угрожающе наклонялась то вперед, то назад. Сандер ногой захлопнул дверь. Ёситада возвел глаза к потолку и повернулся вместе с креслом. Занятия, видимо, придется отложить.

– Ёситада, у тебя кимоно есть?

– Есть... Юката, обычная, домашняя, черная. И кендоги¹⁸ с хакама для занятий тоже. Что именно тебе нужно?

– Все. И не мне, а тебе. Надевай!

– Э... зачем?.. – Ёситада нахмурился, но встал и пошел к шкафу. В таких случаях он никогда не спорил и не спрашивал ничего у Сандера: знал, что это бесполезно. Чем быстрее он выполнит его просьбу, тем быстрее узнает, что именно задумал товарищ. И, возможно, успеет принять контрмеры. Если это необходимо. Достав из шкафа коробку с формой, он облачился в кендоги и старательно завязал пояс хакама красивым узлом. И вопросительно посмотрел на Сандера.

– Не-не, что у тебя еще есть? Кимоно такое, длинное.

– Юката. Ее не надевают поверх...

– Перестань, кто тут в этом разбирается? Надевай давай!

Ёситада вздохнул, взял с полки аккуратно сложенную юкату и развернул ее. Он думал, что будет носить ее, как и дома, – после ванны и перед сном, но в присутствии Сандера ему было неловко так одеваться, поэтому даже после душа он старательно натягивал джинсы.

– Так, что ли? – Он расправил рукава, повертел в руках пояс и убрал – теперь, по крайней мере, можно было сделать вид, что это хаори. Или вроде того.

– Во! – Сандер показал большой палец и открыл коробку. В ней лежал сувенирный меч.

– Это что?..

– Это катана, конечно. Ну-ка, возьми!

Ёситада поднял меч и вынул его из ножен. Меч действительно был сувенирный, из тех, которые вешают на стену для украшения интерьера. Ёситада повертел его в руках и улыбнулся понимающе:

– А-а-а... мы идем на костюмированную вечеринку?

– Нет, гораздо лучше. Я тут много думал. Ты ешь дешевую еду и почти не ходишь на вечеринки, если они в клубах. Ты прав. Я тоже считаю, что кутить на деньги отца – это отстой, – Сандер употребил русское слово, но Ёситада уже знал его значение: они начали изучение языков друг друга именно с самых распространенных ругательств.

– ...И поэтому мы будем зарабатывать деньги сами. И на них гулять! – Сандер встал в картинную позу и развел руки в стороны.

– И чем же? Ты будешь меня в таком виде и с сувенирным мечом показывать за деньги? – Ёситада прищурил один глаз.

¹⁸ Кендоги – традиционная одежда для занятия кендо. Обычно состоит из удлиненной куртки кендоги, под которую может надеваться хадаги (нижняя короткая куртка) с хакама. Кендоги обычно того же цвета, что и хакама.

– Во! В точку! – Сандер выставил указательный палец вперед, поднял большой и сделал вид, что прицеливается и стреляет.

– Э?..

– Мы будем продавать суши на вынос. В кампусе. Настоящие суши, приготовленные настоящим японцем. Главное – это реклама. И дело пойдет, я это тебе обещаю.

– Реклама, да... хорошее дело. Только есть один маленький нюанс. Я не умею готовить суши. Более того, единственное, что я умею готовить, – это сэндвичи. А, ну еще рамен. Который в коробке.

– Ерунда, – Сандер, снова приняв прежнюю позу, обеими руками указал на дверь. В нее сразу постучали.

– Входи!

Дверь открылась, и в комнату вошла девушка. Мулатка или латиноамериканка – Ёситада еще плохо разбирался в этом. Кожа ее была смуглой, а волосы, собранные на темени в высокую «пальму» разноцветными резинками и веревочками, сверху топорщились упругими пружинками. На шее у нее висела фотокамера, а в руке она держала белый объемный пакет.

– Это Оливия, – представил гостью Сандер, – она три года работала в суши-баре. Готовить будет она. А ты станешь лицом компании.

– Да. – Девушка уверенно прошла мимо Ёситады к столу и начала выкладывать из пакета содержимое: ножи, продукты, контейнер с вареным рисом и большой пакет с имбирем. Розовым.

Ёситада кинулся к столу, сгребая учебники. Убрал их в ящик и снова поднял меч.

– Вот так? – Он встал в стойку.

– Во! – Сандер и Оливия подняли большие пальцы одновременно.

– А вот это... это вас не смущает? – Ёситада опустил меч и провел по отросшему на голове рыжему ежику. Пару месяцев назад он наголо сбрил свои черные крашенные лохмы. – Я не буду больше красить волосы. И не хочу надевать парик.

– Зачем? И так классно. Ты похож на Ичиги Куросаки¹⁹, – рассмеялась Оливия.

Ее смех оказался звонким, как храмовые колокольчики. И Ёситада понял, что, да, продавать суши – отличная идея.

– На кого?.. – переспросил он.

– На Куросаки. Парня из аниме. Это точно сработает. Все любят аниме. – Оливия улыбнулась и подняла нож.

«Щелк» – письмо отправлено. «Бип» – уведомление о получении. «Щелк-бип, щелк-бип...»

Ёситада выпрямил спину и поднял руки вверх, шевеля пальцами. Он отправил за сегодня двадцать шесть писем. И пока не получил ни одного ответа. Но это ничего не значило – сначала письма прочитает секретарь, потом он же ответит: «мы всесторонне рассмотрим...», и дальше все зависит от графика работы директората или от того, кто в фирме или корпорации отвечает за такие вопросы. Ответы должны прийти в течение недели, не позже. Поэтому нужно планировать на следующую неделю время для возможных встреч.

Ёситада открыл ежедневник на телефоне. Секретаря у него еще не было, и он подозревал, что дедушка оставит ему «в наследство» своих секретарей – опытных и ответственных людей. Ёситада пока не вступил в должность, но уже посещал совещания и присутствовал на совете директоров. Формально – чтобы включиться в дела компании, а на самом деле дедушка очень умело ему демонстрировал характеры будущих подчиненных, их сильные и слабые стороны. И заодно учил внука тонкостям управления.

¹⁹ Ичиги Куросаки – герой манги и аниме «Блич», парень с рыжими волосами.

Ёситада усмехнулся: каникулы оказались недолгими, снова учеба. Но это мелочи по сравнению с работой, которая ему предстояла. Потому что он задумал ни много ни мало – полностью модернизировать компанию. Нет, не сразу. Для внедрения запланированных новшеств требовалось много времени. И не меньше потребуется, чтобы совет директоров принял его – вчерашнего мальчишку-студента.

Он взглянул на открытое на экране монитора окно. Дизайн сайта, выполненный в приятных золотисто-синих тонах, обошелся не дешево. Впрочем, и сам проект не будет дешевым. На самом верху страницы было выведено красивым шрифтом «Мир на ладони».

Все заработанные в Америке деньги Ёситада вложил в этот проект. Но это была капля в море. Поэтому он и рассылал письма с просьбами выступить спонсорами. Если он найдет их в достаточном количестве – скоро любой талантливый школьник Японии получит возможность обучаться в любом из зарубежных университетов.

Ёситада не сомневался, что многие фирмы ответят согласием на его предложение: молодые, хорошо обученные специалисты нужны всем.

Раздался писк. Ёситада свернул окно и глянул на уведомление в углу. Нет, это не был ответ на одно из его писем.

«Я в Пулково. БОЙСЯ» – гласило сообщение.

«Лежу в обмороке», – ответил он и улыбнулся. Встал, подошел к окну кабинета, который временно занимал. Нет, оно не было таким кошмарным, как у бабушки, но все равно впечатляло. Но Ёситада мужественно поднял голову и посмотрел на яркие вечерние огни. И снова улыбнулся. Напрасно он вздыхал о том, что приключения закончились. На самом деле они только начинались.

Тораноскэ²⁰ боялся дышать. И даже моргать. Подбородок отчаянно чесался от узла, стягивающего шлем, но мысли пошевелиться он не допускал – вдруг шлем завалится набок? Или, еще хуже, роскошные о-содэ²¹ сползут с плеч.

– Настоящий воин, – наконец-то одобрительно склонил голову господин Хасиба²². Лицо его было серьезным, брови сдвинуты, губы плотно сжаты – действие, которое происходило сейчас, требовало наибольшей сосредоточенности.

Тораноскэ икнул. Шлем, украшенный позолоченным полумесяцем, угрожающе зашатался. Вытянуть спину. Не шевелиться.

Этот доспех – подарок господина Хасибы – Тораноскэ не решался примерить несколько дней. Просто ходил вокруг, трогал, гладил металл и лакированную кожу и буквально задыхался от восторга. Настоящие боевые доспехи! Подарок господина! За боевые заслуги! И пусть «заслугой» было доставленное вовремя письмо с распоряжением, но разве не благодаря таким мелочам выигрываются битвы? И разве не личные таланты – выносливость и быстрота – позволили Тораноскэ пробраться в расположение их резервных отрядов? Как жаль, что не удалось добыть ни одной головы, ах, как жаль...

...Но господин Хасиба не отличался таким терпением. И поэтому вчера вечером вызвал Тораноскэ к себе и осведомился, почему тот не примерил подарок и не пришел покрасоваться. Тораноскэ покраснел, пробормотал извинения и клятвенно заверил, что еще до обеда прибудет при полном параде. И тут он задумался – он понятия не имел, как надевают такой доспех.

²⁰ Тораноскэ – детское имя Като Киёмасы.

²¹ О-содэ – часть самурайских доспехов, огромные, очень прочные наплечники, крепившиеся к доспехам сложной системой шнуров.

²² Господин Хасиба – прежнее имя Тоётоми Хидэёси (1536–1598), японского военного и политического деятеля, объединителя Японии, которому с юных лет служил Като Киёмаса.

С горем пополам и помощью Итимацу²³ он научился натягивать до-мару²⁴ – легкий нагрудник асигару²⁵, но это великолеpie... Они с Итимацу долго стояли и чесали затылки, не зная, как нужно к нему подступиться. Пришлось идти на поклон к Сакити²⁶. Тот сначала не пожелал говорить с ними, только усмехнулся и смерил Тораноскэ таким взглядом, словно это он сам был выше на два сяку²⁷. Но, услышав волшебные слова «приказ господина Хасибы», с презрительным хмыканьем достал с полки книжку и сунул им. К огромному счастью, в книжке оказались картинки.

...Под нагрудник пришлось подсунуть одеяло, иначе он просто не затягивался: место оставалось еще на одного такого же Тораноскэ. И Тораноскэ понимал, почему так получилось: доспех явно принадлежал статному, крепкому воину, ведь по росту он не был ему мал. Станет ли Тораноскэ когда-нибудь таким? Или навсегда останется бамбуковой палкой с одеялом, намотанным на грудь?

Господин Хасиба тем временем махнул рукой, все так же сосредоточенно глядя на юношу и как бы показывая, что осмотр закончен и самое время выразить благодарность за подарок.

Тораноскэ попытался медленно опуститься на пол, но стянутые туго шнуровкой спина и ноги подвели его – с громким стуком он обрушился на пол, ткнувшись лицом в татами и вытянув руки. Кабуто²⁸ с роскошным полумесяцем съехал на затылок. А сбоку на пол свесился вывалившийся конец одеяла. Тораноскэ испуганно, заливаясь краской стыда, приподнялся на руках. Лицо господина Хасибы приобрело еще более суровый вид. А потом его глаз задергался, из него потекла слеза, и господин Хасиба залился хохотом. Опрокинулся на спину и оглушительно засмеялся, дергая в воздухе ногами.

Тораноскэ тоже улыбнулся. И облегченно вздохнул. Он был очень доволен, что рассмешил господина.

В конце концов Киёмаса пришел к не очень утешительному выводу. Все люди, которые попадались им по пути, – очень бедные. По крайней мере, если судить по одежде. Очень хорошо было заметно, как сильно они экономят на ткани: рукава и штанины были просто позорно узкими. И если у мужчин они были хотя бы пристойной длины, то женщины... полы их кимоно иногда не доставали даже до колена, как у самых нищих крестьянок. Но, вполне возможно, что эти женщины и правда были бедны: они ходили пешком и спешили куда-то, скорее всего, на работу. Наверняка в городе жили и другие – они или сидели дома, или их лица можно было разглядеть через стекла самодвижущихся повозок. И они, точно, обладали и красивыми нарядами, и достойной косметикой. Киёмаса плохо разбирался в этих женских штучках, но выйти на улицу с такой прической, лицом и едва ли не в лохмотьях... Ему вдруг стало жалко этих женщин – вот идут совсем молодые девочки, в одинаковых коротеньких кимоно, шумят и веселятся. Кто они? Возможно, родители продали их в веселый квартал, но они милые и явно достойны лучшей участи...

Киёмаса вспомнил, как тяжело и много работала его мать. Как быстро поблекла ее красота после смерти отца. И он сам никогда бы не допустил, чтобы его жены и дочери работали.

²³ Итимацу – детское имя Фукусимы Масанори (1561–1624), японского полководца, вассала Тоётоми Хидэёси, двоюродного брата Като Киёмасы.

²⁴ До-мару – ламеллярный (состоящий из сплетенных между собой шнуром пластин) доспех самурая, который был предназначен для пешего боя и самостоятельного надевания (без помощи слуг).

²⁵ Асигару – вид легкой пехоты в средневековой Японии, из не-самураев.

²⁶ Сакити – детское имя Исиды Мицунари (1559–1600), видного политического деятеля периода Сэнгоку, вассала Тоётоми Хидэёси.

²⁷ Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

²⁸ Кабуто – японский тип шлема. Имел, как правило, полусферическую форму и присоединенные пластины для защиты шеи.

И, несмотря на то, что себе он не позволял излишней роскоши, считал неприличным выгадывать на женских нарядах. Впрочем, с женами ему везло: все они были скромницами и сами не очень любили рядиться в шелка.

Он покосился на Иэясу. Этот точно не нищий, однако одежда на нем тоже не блистает роскошью.

А может быть, он ошибается? И эти все люди не бедные? Просто стало неприлично показывать прилюдно свой достаток? Это как раз Киёмаса одобрял.

Иэясу поймал его взгляд.

– Все, мы почти пришли. – Он указал рукой на высокое здание впереди, казалось, целиком состоявшее из стекла, которое явно теперь слишком дорогим не было – Киёмаса видел его повсюду.

Они подошли к прозрачным дверям, и Киёмаса протянул было руки, чтобы открыть их, но створки внезапно разъехались сами, открывая вход.

– О... – протянул Киёмаса и замотал головой, ища человека, который открыл дверь. В трамвае это, видимо, делал возница.

Он заметил человека, стоящего недалеко от дверей, приветственно помахал ему рукой и поблагодарил наклоном головы. Тот широко улыбнулся и поклонился в ответ.

– Смотри! – воскликнул Киёмаса и повернулся к Иэясу. Но тот куда-то исчез.

Киёмаса стал оглядываться, отыскивая его в толпе, и внезапно ощутил, что у него опять кружится голова – перед глазами замелькали разноцветные пятна.

Кругом были огни. Огромное количество разноцветных огней. Все это мигало, переливалось, играло бликами. Киёмаса выдохнул и крепко зажмурился.

– Это ты еще ночью не гулял. Привыкнут глаза. Пойдем. – Он почувствовал, что его тянут за рукав. И, приоткрыв один глаз, послушно пошел за Иэясу. И затормозил, чуть не врезавшись носом в очередные прозрачные двери.

– Подождем. – Иэясу остановился и зачем-то посмотрел вверх.

Киёмаса тоже поднял взгляд и обалдел – прямо на них сверху падала огромная круглая плита.

Он едва удержался, чтобы не рвануть в сторону. Но плита падала медленно. Он видел подобные фокусы раньше – однажды он привез в подарок господину Хидэёси огромных размеров камень для строительства Осацкого замка. И его светлость, чтобы повеселить собравшихся, поднял его в воздух и начал медленно опускать всем на головы. И только когда до головы Киёмасы – самого высокого из толпы – осталось меньше трех сун²⁹, отвел камень в сторону и уронил на землю. От удара все упали. Это действительно была отличная шутка. Киёмаса смеялся так, что едва не задохнулся.

А плита тем временем опустилась как раз за дверями, и они открылись. И Киёмаса шагнул в стеклянную комнату первым. Он понял, что это, и очень захотел испытать.

– А вот сейчас лучше закрой глаза. – Иэясу спокойно встал рядом.

– Ну уж нет! – Киёмаса вцепился руками в блестящие поручни, и комната взмыла вверх.

– А-а-а-а! – завопил от восторга Киёмаса. У него на секунду перехватило дух. А комната остановилась, и двери открылись.

– Все?.. – протянул он разочарованно.

– Все, – улыбнулся Иэясу. – Ты не расстраивайся: сейчас мы найдем для тебя одежду и поедем дальше вверх. Я хочу угостить тебя современной едой.

– А?.. Да, – закивал Киёмаса, и они двинулись по коридору.

– Это лавки с одеждой. Целый этаж. Ну, что-то вроде улицы. Нам нужно найти одежду больших размеров. Должно быть на вывеске... так...

²⁹ Сун – японская мера длины, равная 3,03 см.

Но Киёмаса его не слушал – он прошел вперед и остановился перед лавкой, над которой красовалась вывеска с надписью «Стальной конь». Никаких лошадей и даже седел внутри Киёмаса не увидел, зато прямо за стеклом, на огромной черной безликой кукле была надета шикарная кожаная дофуку³⁰. Да, с уже привычно заууженными рукавами, но зато проклепанная на манер китайского доспеха. И клепки были не просто круглыми – они имели разную форму: колец, звезд, выпуклых квадратов. Спереди дофуку украшали несколько толстых стальных цепочек, а на поясе сверкала пряжка – подобные украшения носили чужестранцы. Тяжелая пластина из черненого металла, на которой был искусно выкован медведь, поднявшийся на дыбы. А между лап у него был «глаз змеи» – родовой герб Киёмасы.

– Иэясу, мы можем купить эту дофуку?

– А? – Иэясу обернулся. – Эту?.. Думаю, можем, если тут есть подходящий тебе размер. Но прежде чем брать ее, сначала надо...

Но Киёмаса его не слушал. Он уже распахнул двери и шагнул в лавку.

Владелец лавки встал и низко поклонился. А когда выпрямился, то оказалось, что он не слишком сильно уступает ростом Киёмасе.

– Добро пожаловать. Что желает господин?

– У вас есть вот такая куртка, – Иэясу втиснулся между ними и указал на манекен, – размером на этого человека?

– Найдем. – Торговец осмотрел Киёмасу с ног до головы и хмыкнул явно одобрительно. – У вас янки или вип? Хотя... вам бы пошел гратян³¹, но наши байки слишком малы для таких, как мы, – он усмехнулся.

– Что?.. – захлопал глазами Киёмаса и просил взглядом помощи у Иэясу. Но тот только пожал плечами.

Тогда Киёмаса повернулся, чтобы еще раз показать торговцу, что именно он хочет. И тут увидел висящий на стене экран. Звука не было, поэтому он его не заметил сразу.

Сначала он не понял, что происходит на экране, его заворожила быстрая смена кадров. Но спустя несколько мгновений он разглядел всадника в длинном черном хаори, развевающимся на ветру. Конь под ним творил чудеса – взлетал над пропастью, перепрыгивал деревья, скакал по воде, поднимая тучи брызг. Но тут всадник приблизился, и Киёмаса понял, что под человеком вовсе не конь. Всадник сидел в седле удивительной повозки, с яркой алой рамой и двумя бешено крутящимися колесами.

И в это мгновение в голове Киёмасы щелкнуло. Он вмиг понял, где находится и что означает название лавки. Недаром его светлость всегда хвалил его за сообразительность. Стальной конь! Ну, конечно же! Вот что это за штука с колесами! Это механическая лошадь. Так вот что на самом деле имел в виду Иэясу, сказав, что вопрос с конем они обсудят позже. Вот хитрец! А эта лавка – здесь продают одежду и обувь для езды на такой лошади.

– Во! – Киёмаса протянул руку, указывая на экран.

– О-о-о... – уважительно протянул торговец, и в его голосе отчетливо послышалась зависть, – не уж-то и правда «Стрит»? «Харли-Дэвидсон Стрит Спейшл»?

Киёмаса не понял ни слова. Но на всякий случай кивнул и небрежно взмахнул рукой.

– Мне нужно полностью все обмундирование. Все, что нужно для езды на стальном коне.

...Киёмаса смотрел на себя в зеркало, и ему очень нравилось то, что он там видел. Штаны он выбрал отличные, из плотного прочного хлопка с кожаными вставками красивого цвета слегка подвявшей травы – ему всегда такой нравился. Дофуку оказалась без стальных пластин внутри, но это не слишком расстраивало – кто сейчас будет пользоваться стрелами? А мушкет-

³⁰ Дофуку – верхняя одежда самураев, короткая, открытая спереди куртка.

³¹ Янки, вип, гратян – стили босодзоку, японской полукриминальной субкультуры байкеров.

ная пуля запросто пробивает любые доспехи. Нижнее косодэ было без рукавов, зато из очень мягкой приятной ткани, которая еще и (вот удивительное дело!) тянулась во все стороны и не стесняла движений. Но особенно Киёмасе понравились «ботинки» – он старательно пытался запомнить незнакомое слово. Торговец сказал, что они «с военных складов», а это значило, что такую обувь носят современные воины. И Киёмаса вполне оценил удобство: крепко стянутые шнуровкой и соединенные с подошвой кожаные поножи³² отлично защищали ногу от острых камней, веток и травы.

И в завершение всего он получил в подарок от торговца отличные перчатки со вставками на ладонях, чтобы удобнее держать поводья, и срезанными кончиками пальцев. И можно было даже пользоваться «смартфоном», не снимая их.

– Ну? – Киёмаса наклонился над Иэясу, когда они наконец вышли из лавки. – Где здесь продают стальных коней? Веди меня туда.

Иэясу, не поднимая голову, устремил на Киёмасу печальный и одновременно какой-то обреченно-всепрощающий взгляд:

– Киёмаса, друг мой! А может быть, мы сначала пообедаем?..

– Да! – радостно воскликнул Киёмаса. – Воздушная площадка! – И он, довольный, с громким топотом зашагал назад по коридору.

³² Поножи – часть доспехов, которая защищает переднюю часть ноги от колена до щиколотки.

Глава 5. Все только начинается

Из здания архива Сандер выбрался около трех дня. Солнце нещадно слепило глаза, перед которыми до сих пор мелькали «яти». Он крепко зажмурился, а потом отчаянно заморгал.

Золотой Мост, наконец представший его взору, смотрелся шикарно. Придя в архив в половине шестого утра, Сандер не обратил внимания на то, что именно его окружает, – просто вылез из такси, примчавшего его из аэропорта за сорок минут, и открыл дверь, за которой его ждал Сергей – худой мужчина средних лет, легко согласившийся за совершенно скромную плату помочь в его изысканиях. И даже прийти на работу намного раньше. Самолет Сандера приземлился в аэропорту Владивостока в четыре утра. А время зря тратить не хотелось.

...И все же именно так и вышло. Эти часы в пыли и полумраке (они тут на лампочках экономят, что ли?) были проведены совершенно безрезультатно. Никаких упоминаний о японце, который совершил сэппуку в лагере военнопленных, Сандер не нашел. Нет, списки пленных сохранились. И смерти среди них тоже были – но везде стояло либо «скончался от лихорадки», либо «от сердечной горячки». Сандер выписал на всякий случай имена японцев, оставшихся навсегда в русской земле, – ведь такой неприятный эпизод могли скрыть, списав смерть на болезнь. Но он все больше и больше сомневался в том, что история, рассказанная его прадедом, имеет хоть какое-то отношение к правде. Перед отъездом отец под большим секретом поведал ему, что это не вся семейная легенда: много позже, уже в Японии, прадед встретил того заключенного в виде мальчика, в котором возродилась его душа. И этот мальчик, дескать, его узнал.

Был ли вообще японец?

Прадед на самом деле был комендантом, эту информацию удалось отыскать, так что Сергей свои деньги заработал честно. Все документы Сандер аккуратно отсканировал и отправил отцу – пусть порадуется. А себе взял только старую карту острова Русского. Что он рассчитывал там найти? Сандер не знал.

Оглядевшись по сторонам, он наконец увидел серебристый «лансер», припаркованный на углу. Подошел и постучал в окно.

– Ты на Русский? Только до Ворошиловской везу, там дальше дорогу залило к... кхм.

– Ясно. Поехали.

Сандер плюхнулся на заднее сиденье и кинул рядом небольшой рюкзак. К рюкзаку с одной стороны был пристегнут самонадувающийся коврик, с другой – маленький финский пуховый спальник.

Палатку Сандер решил не брать – нафига тащить лишнюю тяжесть? Если пойдет дождь – он переночует под крышей одного из фортов.

Когда отец перевез их с матерью и Андрюхой из Засосья в Кронштадт, Сандеру едва исполнилось двенадцать. Тогда и увидел Сандер море в первый раз. Он помнил и бабушку, и залив, и даже катер, который тогда переправлял людей на остров Котлина, но это казалось смутным сном. А в жизни была глухая лесная деревенька, из которой дед Василич возил их в школу на уазике. УАЗ купил и пригнал отец – более серьезная машина могла привлечь слишком большое внимание. И самого отца, когда тот приезжал, дед Василич привозил со станции на том же УАЗе.

Потом была синяя «нива», на которой они уже сами гоняли на рыбалку, а дед только ворчал. Нет, Сандеру грех было жаловаться на свое детство, он особенно и не знал ничего другого, но когда впервые вышел на берег Финского залива – пропал навеки.

Отец заметил это. И уже в июне Сандер получил от него самый шикарный подарок в жизни – трехместный «квиксильвер». С мотором.

Мама немедленно упала в обморок. Но совершенно внезапно на защиту ошалевших от такого счастья пацанов встала бабушка – она не терпящим возражения тоном заявила, что в их семье еще никто ни разу не утонул. И что она от души надеется, что Сандер, как положено порядочному мужчине, станет морским офицером. А не хрен пойми кем, как его отец.

...И помчались дни, полные приключений. Сандер всегда с улыбкой и ностальгией вспоминал, как они с Андрюхой сбегали от сторожа на Чумном, как попали в шторм и просидели три дня на Обручеве....Мама рыдала потом и клялась, что больше никогда и ни за что... Но уже следующим летом Сандер поехал к бабушке без нее – вдвоем с Андрюхой. Мама осталась в городе, наконец-то налаживать новую жизнь.

Сандер облазил едва не каждый закоулок Кронштадтской крепости. И навсегда полюбил ее форты и пристани.

И море.

Как можно пройти мимо фортов Русского? Тем более сама судьба привела его к ним. Сандер выбрался из машины и выпрямился, вдыхая свежий, пахнущий морем воздух. Тихий океан. Сейчас он его увидит по-настоящему.

– Ноги мои ноги... руки мои руки... – Сандер скинул рюкзак со спины на каменную приступку и тяжело плюхнулся рядом. И посветил фонариком вокруг, осматриваясь. Мощный бело-голубой луч высветил заросшие мхом серые стены и черный провал – вход внутрь, в форт. Сандер вздохнул и пожал плечами, усмехнувшись. В эту дыру он полезет завтра. Изрядную часть пути сюда ему пришлось проделать уже в темноте, и он чудовищно устал карабкаться по едва заметной на склоне тропе. Фонарь был хороший, мощный (дорогу и карту было видно отлично), но очень тяжелый. Поэтому Сандер рассудил, что на сегодня в правую руку готов вложить исключительно гамбургер. Он встал, поднял руки, поболтал ими и немного прошелся по открытой площадке, на которую взобрался с таким трудом. С моря дул слабый ветерок, небо было чистое и искрилось миллиардами огоньков.

Млечный Путь... Сандер запрокинул голову и замер, глядя вверх. Прямо по небу расстилалась дорога. Кто знает, может в древние времена, когда еще существовали боги, это был их путь? И они по нему обходили свои владения на Земле? А потом появились ученые, открыли галактики и богам пришлось уйти с Земли глубоко в космические дали.

Сандер и сам никогда не мог сказать точно: верит ли он в каких-либо богов. В церковь он ходил много раз, с бабушкой, верующим человеком, но не воцерковленным, как принято говорить сейчас. Внука она крестила, но никаких обрядов соблюдать не заставляла и есть мясо в пост не запрещала. Впрочем, Сандер был на сто процентов уверен, что если Бог и существует, то к мясу в пост он имеет крайне мало отношения.

Что-то было, это точно. Сандер не верил, он знал это с детства. Иногда ему казалось, что мир вокруг живой и разумный. И даже у этих зелено-серых камней есть что-то вроде души.

Он глубоко втянул ночной воздух и шагнул в самую середину площадки, широко разводя руки. И внезапно по спине прокатилась волна жара: Сандер услышал возле правого уха едва слышное шипение. Он скосил глаза и едва сдержал резкий выдох, вместо этого медленно выпуская из легких воздух. В полуметре за его правым плечом болтался темный багровый шарик. Жар, который исходил от него, чувствовался даже через куртку.

– Ты зачем пришла? – медленно выговаривая слова, произнес Сандер, продолжая искоса смотреть на шаровую молнию. – Смотри, как тихо и безопасно. Уходи домой.

Шарик скользнул влево, потом облетел Сандера вокруг, словно обнюхивая.

– Иди домой, – повторил Сандер уже настойчиво.

Молния поднялась повыше и внезапно рассыпалась искрами прямо у него над головой.

Сандер, снова начав нормально дышать, опустил руки. Вытер со лба рукавом выступивший пот и пошел к рюкзаку. Вытащил из него бумажный шуршащий пакет и водрузил рядом

на серую бетонную поверхность. Камень был еще теплым, поэтому Сандер прислонился спиной к стене, достал из пакета коробку с двойным гамбургером и, распаковав его, вгрызся в мягкую булку с кунжутом: есть хотелось просто безумно. Доев, он проинспектировал пакет с едой и задумался – у него оставалось еще четыре бургера и шесть пирожков: два с яблоком и четыре с вишней. Хватит ли этого на завтра? Он решил, что должно. Главное, чтобы не испортились на жаре. Впрочем, большую часть дня он собирался провести под землей. Выловив из пакета пирожок, Сандер упаковал все обратно в рюкзак, медленно сжевал пирожок, оказавшийся с яблоком, и запил фантой. Теперь он чувствовал себя просто отлично. Самое время лечь поспать.

Спальник, без сомнения, был рассчитан на то, чтобы защитить своего хозяина от холода. И в определенной степени от дождя. Но, по всей видимости, про утренний морской ветер изготовители не подумали. Сандер попытался свернуться калачиком, но так оказалось еще хуже: вредный ветер теперь задувал еще и сверху, за шиворот. Поворочавшись некоторое время, Сандер все же разлепил глаза и вылез из спальника наружу – прямо в прохладное, росистое нарождающееся утро. Солнце еще не появилось за горизонтом, но оранжевая полоса уже всю намекала на то, что дневное светило, возможно, тоже разбудил пронизывающий ветерок и оно скоро плюхнется в море умыться. Сандер потянулся и пожалел, что не может последовать его примеру: слишком долго спускаться на берег, а потом подниматься обратно. Искушается он позже. Когда находится и устанет – нырнуть в прохладную воду будет вдвойне приятно.

Вставать окончательно или лечь поспать еще немного? Сандер открыл рюкзак и потащил оттуда теплую куртку. Если он залезет в спальник в ней и ляжет вон за той стенкой – ветер не доберется до него. Или уже поесть и идти? До вечера не так много времени, а к 22:00 ему нужно снова быть в аэропорту. Куртка упорно сопротивлялась. Сандер дернул сильнее и вытащил ее наконец полностью. А вместе с ней – зацепившийся за рукав танто, тот самый японский нож, ради которого все это и затевалось. Танто отцепился от рукава, описал в воздухе дугу и, игнорируя все попытки Сандера его поймать, полетел вниз, прямо на круглую бетонную площадку с дыркой посередине. От удара клинок вылетел из ножен и упал за бетонный круг, воткнувшись в землю.

– ...Твою мать... – сквозь зубы выругался Сандер.

Он хорошо знал, как легко испортить лезвие японского оружия, острого, как хорошая бритва. И то, что произошло, было довольно подходящим способом это сделать. Еще раз выругавшись, он поискал глазами тропинку, ведущую вниз с бастiona, и, продираясь через кусты, начал спускаться. И в это время край солнечного диска появился над горизонтом. Первый алый луч отразился в лезвии, будто окрасив его кровью, и внезапно внизу, прямо перед собой, Сандер отчетливо увидел стоящего на коленях человека в длинной белой расстегнутой рубашке. Человек медленно поднял нож, на его клинке блеснуло солнце, и Сандер моргнул: солнечный зайчик ослепил его. А когда он снова открыл глаза – ничего уже не было. Помотав головой, он спустился, вытащил из земли нож и тщательно его осмотрел. К счастью, клинок не пострадал. Валяющиеся в паре метров ножны – тоже. По крайней мере, если на них и прибавилось царапин, то Сандер их не заметил. С трудом задвинув танто обратно в ножны, он нахмурился и покачал головой – ну как нож так легко мог из них выскочить?

Это была еще одна загадка. Что же, это приключение начинало ему нравиться.

Сандер вернулся к своему «лагерю», завернул на всякий случай танто в спальник (все равно сдавать в багаж), достал из рюкзака фанту и приник к горлышку. Потом убрал обратно и вытащил из кармана куртки телефон.

– Ёситада, скажи мне, ты веришь в призраков? – написал он и нажал «отправить».

Он надеялся, что не разбудит товарища слишком рано.

Иэясу терзали сомнения с самого утра. Он даже проснулся раньше обычного – солнце едва-едва поднялось над деревьями. Причина сомнений, надо полагать, давно встала и развлекает немногочисленную обслугу отеля утренней тренировкой во дворе. Иэясу поднялся, потянулся и подошел к окну. Он не ошибся. Киёмаса размахивал мечом в самом центре двора, стоя спиной к фонтану. Именно этот меч и был основной причиной душевных терзаний Иэясу. Сегодня придется покинуть Кумамото. И оставить Киёмасу одного. Да, конечно же, под присмотром членов его семьи, но... Одного, зачем пытаться обманывать себя? Если Киёмасе что-то взбредет в голову – все эти люди не смогут его остановить.

Нет, силу против обычных людей он, скорее всего, применять не будет. Ему на этот счет когда-то очень давно клан Мори преподавал отличный урок. И это уже было очень хорошо, но... Като Киёмаса слишком мало прожил в мире, где законы устанавливает не тот, у кого длиннее копье. И кто знает, возможно, он мечтает вернуть те славные времена. По крайней мере, до Иэясу доходили и такие слухи.

Иэясу сделал все, что было в его силах, чтобы донести до Киёмасы современные законы и правила поведения и, главное, необходимость их соблюдать. Больше всего он опасался, что Киёмаса будет возмущен запретом на ношение любого оружия и откажется расставаться с мечом, но нет – он согласился на это достаточно быстро, повозмущавшись, скорее, для порядка.

...И эта легкость сильно беспокоила. Да и о чем говорить? Киёмаса и голыми руками способен оторвать голову кому угодно.

Иэясу отошел от окна и нажал на кнопку вызова горничной: следовало поторопиться с завтраком, раз он уже проснулся. Все эти достижения современной цивилизации ужасно ему нравились, Иэясу с огромным удовольствием пользовался ими. Когда его учили управлять техникой – подходили к этому вопросу очень осторожно, видимо, опасаясь напугать. Иэясу улыбнулся. Наверное, он сам, так же как Киёмаса сейчас, напоминал большого ребенка, которому интересно все. Новые предметы обихода, новая техника, новые слова. И теперь, спустя всего полгода, его не отличить от современного человека. Сможет ли Киёмаса так же легко войти в этот новый мир?

В дверь постучали.

– Войдите.

Зашла горничная, полноватая женщина средних лет с приятным круглым лицом. Низко поклонилась.

– Принесите завтрак, пожалуйста, – Иэясу доброжелательно улыбнулся и уселся в кресло. Все важные дела следует делать после еды.

Проклятое тело. Чужое, незнакомое. Непривычное. Киёмаса снова медленно принял стойку, сделал замах, развернулся и... тихо выругался сквозь зубы. Руки не слушались. Более того, плечи и запястья болели так, словно он неделю назад в первый раз взял в руки меч. Ноги были, как корявые корни деревьев: требовалось невероятное усилие, чтобы заставить их отшагивать правильно. Он как будто заново учил свое тело простым движениям, вновь превратившись в нескладного подростка.

«Эй, крестьянин, где ты украл этот меч?» – Киёмаса как наяву услышал за спиной насмешливый голос Ёсицугу. Он закрыл глаза, сосредотачиваясь. Казалось, вот он сейчас откроет их и наткнется взглядом на ехидную ухмылку Сакити. Ранящую больнее, чем самый острый клинок.

Шаг, поворот, замах. Свист рассекаемого воздуха. Не то. Не так. Не злиться. Он отвык от тела. В конце концов он действительно забросил тренировки аж на четыреста лет. Кто угодно потеряет форму. Он молод, силен и здоров. И быстро наверстает упущенное.

Шаг назад, разворот, полуприсед. Киёмаса замер, выдыхая. Да, Иэясу сказал, что оружие носить нельзя. И что никто уже давно не пользуется мечами. Это Киёмаса знал и без него. Но путь воина – это не только искусство владеть мечом, копьем, луком и другими видами оружия. Это постоянная готовность принять бой. Каждую секунду воин должен ожидать сражения. Даже во сне его рука должна лежать на рукояти меча. Мир никогда не длится вечно. Мушкетеры и пушки – отличная, не заменимая в бою вещь, но у них есть существенный недостаток: такое оружие расслабляет тело и разум. Нельзя полагаться в бою на меч – лишь на руку, которая его держит.

Киёмаса резко выпрямился и устремился вперед, нанося удары, с виду хаотично, но на самом деле четко рассчитывая каждый взмах. И каждый из них сопровождался резким выдохом и криком. Лучше. Так уже лучше.

И мало ли что там сказал Иэясу? Да Киёмаса скорее бы поверил целой стае лисиц, чем хитрому тануки. Но когда он приносил присягу свежеспеченному сёгуну, выбора у него не было. Он не верил Иэясу, но в тот раз пришлось ему довериться. Потому что шестилетний мальчик, чья жизнь стояла на кону, был Киёмасе дороже всего на свете. В том числе и собственной чести. Если бы Киёмасе дали волю – он бы сам забрал Хидэёри и воспитал как собственного сына, подальше от этой грязной и мерзкой политики. К драным ёкаям власть над страной. Самое главное – сохранить жизнь сына его светлости. Позволить ему вырасти, и там уж он сам решил бы, что ему делать. А Киёмаса поддержал бы его в любом решении.

Платой за эту жизнь стала голова Сакити на площади в Киото. Дурья башка. Киёмаса с детства ненавидел его за чудовищную, нелепую, отвратительную гордость.

... Может быть, и правда стоило прикончить Иэясу на той встрече? Война разразилась бы незамедлительно. Но кто знает, каков был бы ее итог? По крайней мере, он успел бы дотянуться до горла Хидэады. Токугава Иэясу не давал ему никаких обещаний. Не то что господин второй сёгун.

Сейчас тоже ничего не остается, кроме как довериться Иэясу. Он искренен в своем раскаянии – Киёмаса чувствовал это.

Стоп. Когда это он успел стать таким сентиментальным? Киёмаса нахмурился. Конечно, у него ничего не выходит: сумбур в мыслях мешает ему сосредоточиться на главном – на мече. Он должен стать мечом, а разве меч может думать? Если меч начнет думать, то это будет никуда не годное оружие. Киёмаса выдохнул, не спеша повернулся и вновь замер с мечом, поднятым над головой. Вдох-выдох. Снова вдох. Рукоять – это часть его руки. Он – это меч. Меч – это он. Не думать. Только чувствовать. Он медленно опустил руки, а потом резко присел и хлестнул воздух крест-накрест.

– А-а-а-а-а! – Резкий внезапный вопль и последовавший за ним звон резанул по ушам.

Киёмаса открыл глаза и выпрямился, опуская меч. Прямо перед ним, широко раскрыв от ужаса глаза и рот, стоял маленький человек в синей одежде. Судя по всему, меч просвистел у него перед самым лицом. Возле его ног валялись черная коробка, видимо, выпавшая у человека из рук, и вывалившиеся из нее непонятные блестящие штуки.

– Ты кто?! Что тебе нужно? – взревел Киёмаса.

Ну вот только что ему наконец удалось уловить нужный ритм, и этот человек был совершенно не к стати со своими воплями. Киёмаса едва сдержался, чтобы не отсечь ему голову. Но он обещал соблюдать закон и порядок. И сразу же преисполнился гордости оттого, что сумел справиться с этой непростой задачей.

«Нельзя убивать людей. Никаких. Даже если они оскорбили тебя или мешают. Если ты убьешь человека – твою семью подвергнут позору».

Киёмаса совсем не хотел позорить своего потомка, старого кузнеца. Поэтому убрал меч в ножны и постарался изобразить на лице улыбку.

Человек отшатнулся, задрожал и забормотал:

– Я... почтенный господин стоял... я шел... господин как прыгнет! – Он зажмурился и снова вздрогнул, видимо, вспомнив пережитое. А потом присел на корточки и начал быстро собирать рассыпанное.

– Я задал вопрос, – Киёмаса нахмурился: человечек стал раздражать его своим мельтешением.

– Я... я служащий, мастер... ремонт... – тот втянул голову в плечи, – вызвали. Вода течет по стене... наверное, трубы, надо чинить... водопровод.

Киёмаса еще сильнее сдвинул брови и прищурил глаза. Но внезапно его лицо просветлело:

– Водопровод? Ты умеешь чинить водопровод?

– Да, господин... я мастер...

– Значит, ты знаешь, как он устроен? Водопровод? Как и откуда вода поднимается по трубам?

– Да, господин...

Киёмаса издал радостный вскрик и схватил человека за плечо, дергая вверх, как дайкон.

– О! Великолепно! Сейчас ты мне все расскажешь и покажешь.

Иэясу, тяжело вздыхая и иногда громко икая, спускался вниз по лестнице. Нет, нельзя столько есть, а то опять разнесет. Впрочем, «диетолог», молодой улыбчивый мужчина, совершенно не похожий на врача, сказал, что от тяжелой пищи следует воздерживаться во второй половине дня. А сейчас ведь утро, так? И бегать он не собирается. И вообще – если заботливые потомки не хотят, чтобы он столько ел, то зачем готовят так вкусно?..

В этом мире было столько разной еды, которую Иэясу не пробовал раньше, что он терялся от выбора. Поесть он любил всегда, а тут – такое изобилие и совершенно никаких запретов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.